

**Эссе победителей конкурса:
«Европейская система безопасности: возможности и пути
преодоления кризиса»**

В 2018 г. **Фонд Конрада Аденауэра в России (KAS-Russland)** и **Информационный центр международной безопасности (ICIS)** провели среди российских и немецких студентов и аспирантов конкурс эссе, в рамках которого молодые эксперты по безопасности должны были подготовить научную статью.

Мы рады представить сборник, в который вошли работы победителей конкурса.

АВТОРЫ:

Фердинанд Боус
Нильс Бузекрос
Александр Голубков
Даниэль Готталь
Денис Ивановский
Юлиан Павлак
Мария Попова

Михаэль Рихтер
Алексей Станонис
Владимир Стошич
Мария Тарасова
Елена Тенюкова
Ярослав Шевченко

Перевод с немецкого языка: Михаил Перегудов.

Концепция и организация

Клаудиа Кроуфорд
Руководитель
Фонд Конрада Аденауэра в Москве
E-Mail: claudia.crawford@kas.de

Игорь Чернов
Руководитель,
Информационный центр международной
безопасности
E-Mail: icisecurity@gmail.com

Евгения Лёкен
Координатор проектов
Фонд Конрада Аденауэра в Москве
E-Mail: evgenija.loehken@kas.de

Михаил Фролов
Ассистент,
Фонд Конрада Аденауэра в Москве
E-Mail: mikhail.frolov@kas.de

ФЕРДИНАНД БОУС

*Студент, 4 триместр, науки об обществе и государстве,
специализация — международное право и международная политика,
Университет Бундесвера, Мюнхен*

Эссе о российской военно-морской политике в контексте преодоления кризиса с Европейским союзом

Введение

После распада Советского Союза отношения между Российской Федерацией и Европой переживали и взлёты, и падения. После того как Россия аннексировала Крым и начала участвовать в гражданской войне в Сирии, отношения, кажется, достигли нового дна. Основной вопрос этого эссе: как может выглядеть будущая европейско-российская архитектура мира? Мой тезис: по мнению Москвы, у России опасное геостратегическое положение.

Действия Российской Федерации можно объяснить в том числе её крайне тяжёлым стратегическим военно-морским положением. Россия аннексировала Крым, чтобы обеспечить суверенитет над территориальными водами Чёрного моря. Война в Сирии ведётся, чтобы сохранить военно-морскую базу в Тартусе, у России это единственный прямой выход к Средиземному морю. Поэтому имеет смысл пристальнее взглянуть на Россию и её военно-морское положение.

В этом эссе разбирается внешнеполитическое мышление России и основные принципы, которыми она руководствуется во внешней политике. На основании этого автор разъяснит, почему для России так важен доступ к морям. В заключении эссе будут сделаны выводы из изложенного и кратко обсуждены возможные ответы ЕС на вызовы со стороны России.

Заявленные цели России во внешней политике

Вначале следует ответить на вопрос о целях российской внешней политики. Стоит отметить, что их невозможно понять в отрыве от российской истории, которая объясняет обострённую чувствительность российского государства к угрозам и его стремление к безопасности.¹ Кроме того, расширение НАТО на восток вызвало глубокое недоверие к Альянсу со стороны тех, кто принимает решения в Москве.²

Цель Российской Федерации — отказ от однополярного и установление многополярного мира в связке с желанием «быть одним из полюсов многополярного мира»³. Исходя из этой цели, Российская Федерация соревнуется не с Европейским союзом, а с США, потому что именно США — доминирующая мировая держава. Учитывая экономическую взаимозависимость ЕС и России, между ними возможно стратегическое партнёрство.⁴

Таким образом, из целей российской внешней политики можно вывести два основных принципа. Первый — соперничество с США, второй — стремление к статусу великой державы или к признанию таковой другими.⁵ Соответственно, Россия должна скептически относиться к НАТО, ведь Альянс укрепляет положение США и позволяет им иметь форпост вблизи российских границ. То есть можно сделать вывод, что сближение Российской Федерации с НАТО или вступление в эту организацию не помогут разрешить противоречия.

Доступ к морям

Теперь обратимся ко второй основной цели Москвы — признанию в качестве великой державы. Чтобы добиться такого признания, государство должно успешно проецировать силу. Одна из проекций силы страны — военно-морской флот. Флот даёт различные дипломатические и военные возможности как в мирное время, так и во время кризисов.⁶ Российская Федерация и в мирное время была заинтересована в доступе к морским торговым путям, потому что от них зависит её экономическое процветание.⁷

Если рассмотреть стратегическое военно-морское положение Российской Федерации, станет заметно, что все незамерзающие пути доступа России к основным морям контролируются членами НАТО⁸ или союзниками США⁹. В случае кризиса Российская Федерация зависела бы от доброй воли стран НАТО и Японии, если бы захотела проецировать силу в отдалённом регионе конфликта. С точки зрения России, полагаться на эту добрую волю нельзя, потому что Москва не доверяет НАТО и США. Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что единственная цель Москвы — сохранение самостоятельности при использовании военно-морского флота, ведь если таковая будет утрачена, «это ослабит потенциал данного государства [России] в целом и способность вести военные действия в частности»¹⁰.

Поэтому я считаю, что, если Европейский союз хочет долгосрочного мира с Россией, он должен пойти на уступки Москве по вопросу использования проливов: либо Босфора и Дарданелл, либо Кильского канала. Как именно они могут выглядеть, обсуждается в следующей главе.

Итоги

ЕС, например, мог бы использовать институты системы коллективной безопасности. При этом можно включить военно-морские соединения России в европейское сообщество безопасности, так у России будет больше оснований доверять Европе.

Более радикальной мерой мог бы стать выход контролирующих проливы государств из НАТО на основании 13 статьи Североатлантического договора, но этот шаг кажется маловероятным. Выйдя из Альянса, эти государства отказались бы от безопасности с неореалистической точки зрения, чтобы потенциально сблизиться с Россией. При этом чистый ущерб для безопасности неизбежно будет оцениваться выше, чем возможность сближения с Россией.

Поэтому, с моей точки зрения, следует пытаться интегрировать Российскую Федерацию вместе с ЕС в систему коллективной безопасности. Участие России в создании Европейской армии ослабило бы у страны ощущение внешней угрозы, а обмен информацией заложил бы основы для укрепления доверия. Интеграция в общеевропейскую армию могла бы проходить поэтапно, вначале можно было бы интегрировать военно-морские силы стран-участниц, чтобы сухопутными силами каждая из них на первом этапе продолжала распоряжаться самостоятельно.

Стратегия ЕС в отношении России ни в коем случае не должна ограничиваться этими мерами. ЕС всё ещё должен сохранять дееспособность на случай, если Российская Федерация поведёт себя агрессивнее или попытки интеграции потерпят неудачу. Тем не менее ЕС должен быть готов предоставить Российской Федерации крупный кредит доверия, потому что преодолеть кризис и построить долгосрочное партнёрство удастся только через установление взаимное доверие и после первых шагов в правильном направлении.

Список источников и литературы

1. Eitelhuber, Norbert (2015): Russland im 21. Jahrhundert. Reif für eine multipolare Welt? : eine Analyse der strategischen Kultur Russlands und das daraus abgeleitete Erfordernis einer konfliktensiblen Aussen- und

- Sicherheitspolitik gegenüber Russland. Frankfurt am Main: Peter Lang Edition (Sicherheit in der multipolaren Welt, Band 3).
2. Gerald Böhm/Matthias Wasinger (2018): Seemacht Russland (Teil 2). In: *Österreichische Militärische Zeitschrift* (4), S. 563–576. Online verfügbar unter <https://www.oemz-online.at/pages/viewpage.action?pageId=12288238>.
 3. Grove, Eric (1990, cop. 1990): The future of sea power. London: Routledge.

Сноски

1. Vgl. Eitelhuber: Russland im 21. Jahrhundert, Hamburg, 2015, S. 164-166.
2. Vgl. Eitelhuber: Russland im 21. Jahrhundert, Hamburg, 2015, S.185-190.
3. Eitelhuber: Russland im 21. Jahrhundert, Hamburg, 2015, S.251.
4. Vgl. Böhm/ Wasinger: Seemacht Russland (Teil 2) in: ÖMZ 4/2018, S.570. ⁵ Vgl. Böhm/Wasinger: Seemacht Russland (Teil 2) in: ÖMZ 4/2018, S. 570. ⁶ Vgl. Grove: The Future of Sea Power, London, 1990, S. 192-194.
5. Vgl. Böhm/ Wasinger: Seemacht Russland (Teil 2) in: ÖMZ 4/2018, S. 567.
6. Türkei und Griechenland am Bosphorus und den Dardanellen, Dänemark und Deutschland am Kattegat und am Nord- Ostsee Kanal.
7. Japan am japansichen und Ochotskischen Meer
8. Böhm/ Wasinger: Seemacht Russland (Teil 2) in: ÖMZ 4/2018, S. 567.

Нильс БУЗЕКРОС*Студент бакалавриата,
политические и исторические науки,
Боннский университет*

Правительствам в Москве и в Пекине начало казаться, что Европу в вопросах внешней политики и политики в сфере безопасности можно воспринимать не так серьёзно, ещё до того, как начались войны в Ливии и Сирии. Но именно война в Сирии и её последствия продемонстрировали Европе, что она больше не может просто так устраняться от урегулирования конфликтов за её пределами.

Чтобы отвечать на глобальные вызовы, Европа должна быть сильной. Но Европа сама столкнулась с большими трудностями. Из-за Брексита Европу, и не в последнюю очередь Великобританию, ждёт серьёзное ослабление. Приём беженцев и миграционный кризис в 2015 году раскололи общества европейских стран, фундаментально изменили партийные ландшафты и сделали возможным приход к власти правых популистов.

На уровне политики в сфере безопасности Европу тоже ожидают серьёзные вызовы. После окончания Холодной войны были значительно снижены расходы на оборону, многие виды вооружений сейчас могут применяться лишь ограниченно. На саммите в Уэльсе в 2014 году страны НАТО договорились продолжать увеличение расходов на оборону. До 2024 года в эти статьи бюджета следует вложить не менее 2% ВВП.ⁱ

Укрепление роли внешней политики и политики в сфере безопасности обладает самым большим потенциалом для того, чтобы подготовить Европу к будущему и обеспечить ещё более глубокую интеграцию. Ведь в отличие от бюджетной, экономической и финансовой политики расхождений в области внешней политики и политики безопасности меньше.ⁱⁱ

Основы для этого заложил Лиссабонский договор, в котором предусмотрена Общая политика безопасности и обороны (CSDP). Её часть — Постоянное структурированное сотрудничество (PESCO), которое должно помочь странам-членам улучшить дееспособность в вопросах политики безопасности. Для этого был создан Фонд обороны ЕС, оказывающий государствам-членам финансовую поддержку при реализации научно-исследовательских проектов и приобретении компетенций.ⁱⁱⁱ

Президент Франции Эмманюэль Макрон особо подчёркивает один недостаток стратегии европейской оборонной политики: «Сегодня этой Европе, Европе обороны, больше всего не хватает общей стратегической культуры»^{iv}. Подход Макрона предполагает сочетание однонаправленных действий в рамках Европейской инициативы реагирования и объединённой европейской армии. Цель заключается в том, чтобы отвечать на глобальные вызовы не множеством конкурирующих друг с другом стратегий, а действовать совместно на основе интеграции и единства. С точки зрения французского президента, Европа станет так гораздо более дееспособной и будет дополнять НАТО. Макрон предлагает членам ЕС как можно скорее интегрировать друг с другом национальные вооружённые силы, так чтобы они участвовали в как можно большем количестве операций. С точки зрения французов, в начале 2020 года должны появиться общая армия ЕС, соответствующий оборонный бюджет ЕС и общая стратегия.^v

Федеральный канцлер Германии Ангела Меркель тоже осознала значение общей стратегии. Она считает необходимым создание Европейского совета безопасности с членством на основе ротации. Этот орган мог бы улучшить гибкость и дееспособность ЕС.^{vi} С другой стороны, более сдержанно по поводу стратегической автономии Европы высказываются прежде всего немецкие социал-демократы. Среди них по-прежнему в значительной степени преобладает мнение, что Европа — исключительно гражданское и мирное объединение. Соответственно, при

урегулировании кризисов следует полагаться в первую очередь на гражданские, а не на военные средства.

На первый взгляд, такое видение Европы как мирного и невоенного объединения государств, легко объяснить, но оно уже не соответствует сегодняшним реалиям. По оценкам Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), более 65 млн человек были вынуждены бежать из своих стран от голода, войн и насилия.^{vii}

Среди французских политиков есть большие сомнения в том, приведёт ли к успеху создание такой многокомпонентной системы оборонной политики. Это обусловлено прежде всего тем, что в Германии существует так называемая прерогатива парламента: одобрять или не одобрять использование немецких вооружённых сил за рубежом — право Бундестага. Это может привести к тому, что многонациональные европейские вооружённые силы внезапно нельзя будет применить. Бывший дипломат Вольфганг Ишингер предлагает принять нормативный акт о преференциях. Он позволил бы правительству Германии принимать решение о боевом применении интегрированных вооружённых сил ЕС или НАТО, в которых участвует Бундесвер. В этом случае прерогатива Бундестага заменялась бы правом вето.^{viii}

В заключение стоит сказать, что то, насколько успешными будут европейская внешняя политика, политика в сфере безопасности, а также ответы Европы на глобальные вызовы, зависит прежде всего от координации германо-французских отношений и сотрудничества этих стран. Тесное сопряжение Германии и Франции в области политики безопасности будет означать смешение военных культур этих стран-соседей. С одной стороны, осторожная «немецкая культура военной сдержанности»^{ix}, с другой — «французская культура автономной военной дееспособности»^x. Если обе стратегии сблизятся, это станет важным шагом в сторону создания общеевропейской армии. Чтобы придать этому сближению импульс, нужно разработать общую стратегию в сфере безопасности. Она могла бы стать основой и предпосылкой для создания запланированной европейской армии реагирования.

В Германии и Франции слышно много энтузиазма по поводу Европы. Но общая стратегическая культура станет для Европы реальностью только в том случае, если Германия и Франция наконец осознают, с каким большим количеством трудностей и конфликтов Европа сейчас сталкивается. Если Париж и Берлин на основе этой культуры будет по-настоящему укреплять общеевропейскую политику безопасности и повышать её эффективность, Макрон и Меркель наконец смогут сдвинуть с мёртвой точки внешнюю политику и политику безопасности Европы и тем самым внести весомый вклад в преодоление кризиса европейской системы безопасности.

Список литературы

1. Ischinger, Wolfgang: „Deutschland macht nur Dinge, bei denen man nicht nass wird“, 11.08.2018, in: <https://www.tagesspiegel.de/politik/wolfgang-ischinger-im-interview-deutschland-macht-nur-dinge-bei-denen-man-nicht-nass-wird/22902048.html>, zuletzt abgerufen am 14.10.2018.
2. Ischinger, Wolfgang: Welt in Gefahr. Deutschland und Europa in unsicheren Zeiten, Berlin 2018.
3. Macron, Emmanuel: Initiative für Europa - Die Rede von Sorbonne, 26.09.2017, in: <https://de.ambafrance.org/Initiative-fur-Europa-Die-Rede-von-Staatspräsident-Macron-im-Wortlaut>, zuletzt abgerufen am 14.10.2018.
4. Puhl, Detlef: Strategische Autonomie für Europa. Kommen Berlin und Paris zusammen?, in: https://www.baks.bund.de/sites/baks010/files/arbeitspapier_sicherheitspolitik_2018_08.pdf, zuletzt abgerufen am 14.10.2018.
5. Staigis, Armin: Auf dem Weg zu einer gemeinsamen strategischen Kultur. Wie steht es um den Aufbau einer Europäischen Sicherheits- und Verteidigungsunion und was bedeutet das für die Bundeswehr?, in:

https://www.baks.bund.de/sites/baks010/files/arbeitspapier_sicherheitspolitik_2018_16.pdf, zuletzt abgerufen am 14.10.2018.

6. Störer, Silvia: Zwei-Prozent-Ziel - wer hat ´s erfunden?, 07.01.2018, in:
<https://www.tagesschau.de/inland/verteidigungsausgaben-103.html>, zuletzt abgerufen am 14.10.2018.
7. Die Welt: Mehr Menschen denn je in der Welt auf der Flucht, 19.06.2017, in:
https://www.welt.de/newsticker/dpa_nt/infoline_nt/brennpunkte_nt/article165676120/Mehr-Menschen-denn-je-in-der-Welt-auf-der-Flucht.html, zuletzt abgerufen am 14.10.2018.

СНОСКИ

ⁱ Vgl. Störer, Silvia: Zwei-Prozent-Ziel - wer hat ´s erfunden?, 07.01.2018, in:

<https://www.tagesschau.de/inland/verteidigungsausgaben-103.html>, zuletzt abgerufen am 14.10.2018.

ⁱⁱ Vgl. Ischinger, Wolfgang: Welt in Gefahr. Deutschland und Europa in unsicheren Zeiten, Berlin 2018, S. 257.

ⁱⁱⁱ Vgl. Puhl, Detlef: Strategische Autonomie für Europa. Kommen Berlin und Paris zusammen?, in:

https://www.baks.bund.de/sites/baks010/files/arbeitspapier_sicherheitspolitik_2018_08.pdf, zuletzt abgerufen am 14.10.2018, S. 2.

^{iv} Macron, Emmanuel: Initiative für Europa - Die Rede von Sorbonne, 26.09.2017, in: <https://de.ambafrance.org/Initiative-fur-Europa-Die-Rede-von-Staatsprasident-Macron-im-Wortlaut>, zuletzt abgerufen am 14.10.2018, S. 2.

^v Vgl. ebd., S. 4.

^{vi} Vgl. Staigis, Armin: Auf dem Weg zu einer gemeinsamen strategischen Kultur. Wie steht es um den Aufbau einer Europäischen Sicherheits- und Verteidigungsunion und was bedeutet das für die Bundeswehr?, in:

https://www.baks.bund.de/sites/baks010/files/arbeitspapier_sicherheitspolitik_2018_16.pdf, zuletzt abgerufen am 14.10.2018, S. 3.

^{vii} Vgl. Die Welt: Mehr Menschen denn je in der Welt auf der Flucht, 19.06.2017, in:

https://www.welt.de/newsticker/dpa_nt/infoline_nt/brennpunkte_nt/article165676120/Mehr-Menschen-denn-je-in-der-Welt-auf-der-Flucht.html, zuletzt abgerufen am 14.10.2018.

^{viii} Vgl. Ischinger, Wolfgang: „Deutschland macht nur Dinge, bei denen man nicht nass wird“, 11.08.2018, in:

<https://www.tagesspiegel.de/politik/wolfgang-ischinger-im-interview-deutschland-macht-nur-dinge-bei-denen-man-nicht-nass-wird/22902048.html>, zuletzt abgerufen am 14.10.2018.

^{ix} Puhl, a.a.O., S. 2.

^x Ebd.

АЛЕКСАНДР ГОЛУБКОВ

Студент 1 курса юридического факультета РГПУ им. Герцена, г. Санкт-Петербург

Система коллективной безопасности в Европе

На сегодняшний день для того, чтобы понять и определить те факторы от которых зависит стабильность и безопасность в Европе стоит вспомнить фразу американского политолога Збигнева Бжезинского - «Современный мир отличается интерактивностью и взаимосвязанностью. Кроме того, впервые в истории привычные международные конфликты померкли перед общей проблемой выживания человечества в целом»[1]. Действительно, в условиях продолжающейся глобализации, безопасность ведущих мировых держав зависит не только от процессов в домашнем регионе, но и от происходящего в порой очень отдаленных уголках мира. Исходя из этого логичным будет вывести основные угрозы безопасности Европы как с эпицентром как внутри её, так и происходящие извне. После определения угроз стоит рассмотреть механизмы созданные для решения проблем и их устранения, чтобы оценить их эффективность.

Говоря о внешних угрозах для Европы проблемой номер один является терроризм, исходящий с Ближнего Востока и стран Северной Африки. Нельзя сказать, что проблема терроризма является исключительно европейской, такие влиятельные акторы как США, Россия, Пакистан, Индия также крайне озабочены решением данного вопроса. Однако, Европейский Союз в силу своего геополитического положения, демократической политической системы и доминирования либеральной идеологии в самых развитых регионах оказался наиболее уязвим от этой угрозы. Операции сил НАТО в Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии, а также странах с большой долей мусульманского населения вне Ближнего Востока, таких как Мали вызвали массивный поток беженцев в страны ЕС, которому оказалась не готова миграционная система союза. Радикализация политических и религиозных взглядов населения с низким уровнем образования выгнанного из своих домов войной вкупе с огромным различием в уровне жизни между мигрантами и коренным населением вызвали волну террористической активности. Чтобы понять глубину проблемы, стоит также отдавать себе отчёт, что у стран ЕС отсутствует единая политика в отношении Ближнего Востока и стран Северной Африки. К примеру, хоть Президент Франции Олланд в своё время и заявил из соображений набирающей обороты социальной парадигмы политкорректности о сворачивании «Франсафрик», страна исторически имеющая в этих регионах экономические интересы от урановых рудников Судана до нефтяных месторождений Ливии просто так оттуда не уйдёт. Страны Вышеградской группы в свою очередь судя по тренду на приход к власти националистических политических сил и отказу на принятие мигрантов по квотам ЕС напротив скептически настроены по отношению к политике НАТО на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Усложняет ситуацию и тот факт, что безусловным лидером в НАТО де-факто являются США, которые являясь достаточно удалёнными от очагов основных мировых конфликтов могут не столь беспокоиться о скорейшем установлении мира на востоке, однако для обеспечения своих интересов имеют несопоставимый военный потенциал и являются по Бжезинскому «гегемоном». Отсутствие единого мнения по вопросу «восточной политики» является угрозой для НАТО, но противоречия не столь сильны во многом благодаря внутренней европейской угрозе, которая в свое время уже дала старому альянсу новую жизнь — России.

После окончания Холодной войны достаточно быстро встал вопрос о необходимости блока НАТО. ОВД больше не существовало, а молодая Россия была настроена на тёплые отношения с США и странами Европы. Доходило до того, что некоторые члены НАТО отказывались платить взносы.

Первым знаком грядущих изменений стал Приштинский бросок, когда Россия ещё при президенте Ельцине отправила своих десантников в аэропорт Слатина в ходе Косовской войны. Исключительно политический жест целью которого было успокоить набирающие поддержку консервативные силы в России привёл к первому жесткому обмену риторикой между США и уже новой Россией. Чем этот исторический факт также уникален, именно тогда в 1999 году был создан прецедент использования российской властью внешней политики для влияния на настроения населения внутри страны и укрепления своих рейтингов. Яркими примерами этой тактики в последствии будут мюнхенская речь В.В.Путина и российская агрессия в Грузии в 2008 году, аннексия Крыма в 2014 и дальнейшая поддержка боевиков на юго-востоке Украины. Россия с 1999 года периодически даёт США поводы легитимизировать дальнейшее существование НАТО перед союзниками. Примечательно, что именно те страны внутри ЕС, которые официально высказываются с самой жёсткой риторикой в отношении России страдают от ухудшившихся отношений России и ЕС больше всех. Например страны Балтии в результате напряженности отношений оказываются в положении демаркационной зоны, в котором в своё время находился Западный Берлин. Территория, которая в случае начала боевых действия может стать передовой имеет низкую привлекательность для инвесторов. Несмотря на это причин для жёсткой риторики у стран ЕС граничащих с Россией несколько. Во-первых это - своеобразный договор с более сильными в военном плане партнерами по НАТО (США, Франция, Великобритания, Германия итп), по которому приграничные регионы взамен на жёсткую риторику получают защиту в виде военных баз и вооруженных сил более сильных союзников. И это вполне логичный ход, ведь после событий начавшихся в 2014 году в Украине, граничащие с Россией малые государства имеющие высокую долю русскоязычного населения ничем не защищены от подобной российской агрессии. Во-вторых, это настроения обширной части населения в отношении России в силу событий истории взаимоотношений России с восточноевропейскими соседями, особенно усилившиеся с началом украинского кризиса. В-третьих, переговоры с Россией по стабилизации отношений на данный момент являются если не невозможными, то очень трудноразрешимыми. Российская внешнеполитическая риторика во многом часто не соответствует официальным заявлениям, и кредит доверия у России на данный момент крайне низок. Самыми яркими примерами можно назвать заявление президента Путина об отсутствии вооруженных сил РФ на территории Крыма в 2014 и попытки МИД РФ назвать химическую атаку в сирийском городе Дума провокацией.

Многие страны Западной Европы, такие как Германия и Нидерланды в свою очередь сильно зависимы от российских газа и углеводородов. Это безусловно ограничивает пространство для маневров в отношении России и даёт ей возможности для манипуляций. Партнёры по НАТО как США осознавая это уже начали программу продажи сланцевой нефти в Европу, однако эти объемы безусловно не смогут компенсировать весь объем российского экспорта в Европу. Часть рынка энергоресурсов ЕС также в перспективе может обеспечить Франция используя возможности «Франсафрик», транспортируя нефть и газ со своих месторождений в Северной и Западной Африке.

Подводя итог, стоит сказать, что у европейской системы коллективной безопасности на данный момент есть две основные проблемы: терроризм с востока и Россия, и два столпа при помощи которых их можно решить — НАТО и ЕС. В условиях кризиса ЕС, отказ от политики «Европы разных скоростей» и следственно наличие единого бюджета ЕС — грамотный шаг провозглашенный Ангелой Меркель и Эммануэлем Макроном. Реформа ЕС по плану предложенному Макроном поможет устранить раскол, а как следствие и выработать единую миграционную политику. Но для выработки эффективной миграционной политики требуется дальнейший институциональный редизайн ЕС. Грамотная миграционная политика в спайке с превентивными действиями на востоке — это максимально возможные действия для обеспечения безопасности от терроризма. В этом

плане заявления президента Трампа об сокращении финансирования НАТО сыграли ЕС на пользу, ещё раз напомнив, что стоит укреплять свои вооруженные силы и повышать оборонные бюджеты.

Касаемо России, Европа нуждается в демократической и дружественной России, так как только Россия может внести вклад в борьбу с терроризмом в Средней Азии и приграничных восточных регионах. Система, в которой гегемон — США, выделяет своим союзникам зоны влияния, в которых они отвечают за поддержание мира и порядка, наиболее эффективна для борьбы с мировым терроризмом. Именно поэтому изменение отношений между РФ и ЕС может на данный момент идти только через Вашингтон. Уровень развития демократии в РФ согласно Freedom House остается на крайне низком уровне[2], что делает решения российской власти сложно предсказуемыми и неподконтрольными населению. В этом плане ЕС грамотно взял американскую концепцию демократии как основы стабильности во всем мире. Санкции введенные ЕС и США должны быть усилены с целью сменить режим в РФ с гибридного тяготеющего к авторитарному на демократический. Задача стран ЕС в кооперации с США в будущем помочь обеспечить мирный переход власти в России и применить свою мягкую силу чтобы получить нового полезного союзника.

«Единство, демократические ценности, превентивные действия» - может служить основой идеи коллективной безопасности в Европе. Единство внутри как основа стабильности, демократические ценности как инструмент мягкой силы, превентивные действия как использование вооруженных сил в случаях, где требуется немедленное вмешательство.

Сноски

[1] Бжезинский З. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис / Пер. с англ. М. Десятовой. — М.: АСТ, 2010.

[2] <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2018/russia>

ДАНИЭЛЬ ГОТТАЛЬ

Стипендиат Фонда им. Ханнса Зайделя и Фонда «Байершце ЭлитеАкадеми»
Студент магистратуры, экономика (M.Sc.) и история и экономика (M.A.),
университет Байройта

Обезопасить Европу вместе с Россией и от России

У Германии и России исторически сложилась давняя традиция взаимной симпатии и антипатии. Они как два магнита с постоянно меняющимися полюсами. Так, ещё известный немецкий историк Генрих Август Винклер отмечал, что в 19 веке среди немецкой элиты была распространена заметная *русофилия*. Вершиной этого расположения стал апофеоз немецкой и русский души у Томаса Манна, который писал о нациях, сформировавшихся под глубоким влиянием культуры, и противопоставлял их рационализму Запада. Эта традиция прервалась и канула в Лету после того, как в истории Германии произошёл перелом — Вторая мировая война со всеми её ужасами и разрушениями.ⁱ

Три четверти века спустя обломки заржавели, время их не пощадило. Забылись когда-то *особые отношения* Германии и России. Железный занавес и интеграция Германии в западный мир углубили рвы, разделявшие Европу географически. На смену немецкой политике порядка пришли Европейский союз (ЕС) и идея примирения народов. Но хотя наш самый восточный сосед в Европе на протяжении 20 века дважды менял облик, некоторые черты оставались узнаваемыми и переносились из Российской империи в Советский Союз, а затем в Российскую Федерацию. После окончания Холодной войны впервые появился шанс построить на этом фундаменте общего европейского прошлого, идентичности и потребности в принадлежности к чему-то большему общий Европейский дом, прихожей которого стала бы Россия.ⁱⁱ Но это удастся только в том случае, если Германия и Россия вновь откопают своё культурное наследие и будут созидать вместе, тогда на пепелище фундамента появятся новые кирпичи *Casa Paneuropa*. Германно-российские отношения — ключ к эволюции европейской архитектуры безопасности в 21 веке. Первые точки соприкосновения, которое потом может привести к повторному сближению, возникнут только на почве общих экономических интересов и участия в международных структурах.

Ведь с точки зрения экономического потенциала Россия — *красный карлик*. По оценке МВФ, ВВП России в 2017 году составил около 1,5 трлн долларов США. Для сравнения: экономический потенциал США за тот же период оценивается в 19,4 трлн долларов, за ними следует ЕС (17,6 трлн) и Китай (12 трлн).ⁱⁱⁱ В экономике у России существенный вес, только если речь идёт о нефти и газе, потому что Россия настоящий *газовый гигант*. Так, ЕС ежегодно платит Кремлю за энергоносители около 250 млрд долларов. Стратегическая зависимость от энергопоставок из крупнейшей страны на планете чрезвычайно высока. В частности, ЕС получает почти 40% природного газа из России. Доля импортируемой нефти составляет 31%, угля и урана — по 27%.^{iv} Согласно статистике и прогнозам, запасов природного газа хватит на гораздо более длительный срок, чем нефти, поэтому уже говорят о «золотом веке газа».^v Это, конечно, не касается Украины. Чтобы сбить её с проевропейского курса, Россия в 2014 году неоднократно подкручивала колёсико цен на газ. Что случилось потом, общеизвестно.

Хотя Россия больше не является сверхдержавой в привычном понимании, не конкурирует с США в таких крупных сферах, как экономика, наука и техника, и нет больше противостояния двух систем, для нас в Европе она по-прежнему остаётся *крупной региональной державой* на востоке. Дело в том, что Россия оставляет колоссальный *внешнеполитический след*, имея в своём

распоряжении военные ресурсы и нефтедоллары. Чтобы «облегчить фантомные боли России»^{vi}, используются все имеющиеся инструменты силы, цель — добиться максимального эффекта, используя минимум ресурсов. Ядерный арсенал играет при этом лишь второстепенную роль. Как блестяще сформулировал нобелевский лауреат Томас Шеллинг, «ядерное оружие особенное, потому что есть давняя традиция считать его особенным».^{vii} Применение ядерных боеголовок надёжно табуизировано, поэтому обычным вооружениям отводится более важная роль. После 2008 года Россия провела их последовательную модернизацию в рамках военной реформы.^{viii}

Распад Советского Союза, «крупнейшую геополитическую катастрофу века»^{ix}, не смогло компенсировать даже создание Содружества независимых государств, организации — преемницы СССР. На саммите НАТО в Бухаресте в 2008 году Альянс обозначил перспективы членства для Грузии и Украины, Россия отреагировала летом того же года военными действиями в Закавказье и таким образом убедительно провела красную черту. Впервые две бывших республики Советского Союза должны были вступить в североатлантический оборонный альянс.^x Возникает вопрос: почему Россия пока аннексировала только Крым, не сделав того же с Приднестровьем, Южной Осетией или Абхазией? «Это только возвращение утраченных территорий и/или укрепление международного статуса великой державы или нечто большее?»^{xi} У России нет *сладкой силы* по-голливудски, зато есть её *солёная замена* — телеканал Russia Today и интернет-тролли.^{xii} Желая бросить вызов Западу, Россия использует все регистры клавиатуры силы: от жёсткого до мягкого, от сладкого до солёного. При этом в зоне поражения оказываются Европа и особенно Германия, в очередной раз *ограниченно обороноспособная*.

«Германия не мыслит [...] стратегически — и поэтому [...] реагирует [на то, что уже случилось]».^{xiii} Европа обретёт дееспособность только тогда, когда Германия начнёт действовать. Именно этого сейчас с беспрецедентной настойчивостью требуют наши европейские и трансатлантические союзники. На США приходится 75% всех расходов на оборону НАТО^{xiv}, Америка всё сильнее ориентируется на Азию. Честность и надёжность — вот главное в европейской архитектуре безопасности. Первым шагом могло бы стать соблюдение Германией данного в Уэльсе в 2014 и подтверждённого в 2016 году обещания до 2024 года тратить на оборону 2% ВВП.^{xv} Всем должно быть ясно, что размещённые на восточном фланге войска лишь «растяжка»^{xvi} в том смысле, в каком её рассматривает Шеллинг в рамках теории игр. Её цель — создать не подлежащие сомнению предпосылки для применения 5 статьи Североатлантического договора, если Россия предпримет действия, направленные против одного из наших восточных партнёров. Европа и её партнёры по НАТО должны делать ставку и на диалог, и на уверенные и решительные действия. Исключение России из «Большой восьмёрки» было преждевременным, так как теперь практически невозможно представить себе, что она туда вернётся и никто при этом не потеряет лицо. Исправить эту ошибку будет непросто. Но Европе всё равно не следует смотреть исключительно на восток, не замечая юга. Поэтому необходимо скорейшее укрепление сотрудничества НАТО и ЕС на Ближнем Востоке и в Северной Африке, а также стратегическое партнёрство с Лигой арабских государств, чтобы защитить внешние границы Европы.^{xvii}

Часто говорят, что история повторяется. У Гёте в «Ифигении в Тавриде» Фоант [Путин], царь Тавриды [Крыма], напоминает Ифигении: «Забыла первый ты закон рассудка, // Что раздражать не следует царя».^{xviii} «Не я повелеваю, а закон».^{xix} До самого конца пьесы Фоант признаёт только право сильного! Как и в «Ифигении в Тавриде», в Крыму не появится *deus ex machina*, который сделает возможным бесконфликтное возвращение в состав Украины по принципу: «И копьё на родину возврат // Тебе суждён, я року подчинюсь».^{xx} Европа не имеет права застыть, поражённая *русосклерозом*, она должна проводить свою внешнюю политику самостоятельно, уверенно и с соблюдением норм международного права: «Другой закон, древнейший, мне велит».^{xxi}

Сноски

- ⁱ Vgl. Daniel Tost (2018): „Why Germans are so ambivalent about Russia“, in: *Munich Security Conference Reader. Contributions of leading foreign policy makers and journalists about the global security situation*: 36-38. Berlin, Seite 36f.
- ⁱⁱ Vgl. Wolfgang Ischinger (2018): *Welt in Gefahr: Deutschland und Europa in unsicheren Zeiten*. Berlin, Seite 101.
- ⁱⁱⁱ Vgl. Internationaler Währungsfonds (2017): „World Economic Outlook Database April 2017“, in: *Data; World Economic Outlook Databases (WEO); World Economic Outlook Database April 2017; By countries (country-level data); All countries; Continue; Gross Domestic product, current prices, U.S. dollars, Continue; Prepare Report*.
- ^{iv} Vgl. Frank Umbach (2014): „Bedeutung, Herausforderungen und strategische Perspektiven. Gasversorgungssicherheit in Deutschland und in der EU“, in: Hanns-Seidel-Stiftung (Hrsg.): *Politische Studien* 457 (65): 28-40. München, Seite 35.
- ^v Frank Umbach (2014): „Bedeutung, Herausforderungen und strategische Perspektiven. Gasversorgungssicherheit in Deutschland und in der EU“, in: Hanns-Seidel-Stiftung (Hrsg.): *Politische Studien* 457 (65): 28-40. München, Seite 31.
- ^{vi} Johannes Varwick und Robin Sköries (2015): „Revisionismus und defensiver Imperialismus als Analysekatgorie. Russlands (neue) Außenpolitik im postsowjetischen Raum“, in: Hanns-Seidel-Stiftung (Hrsg.): *Politische Studien* 461 (66): 44-53. München, Seite 45.
- ^{vii} Thomas C. Schelling (1980 [1960]): *The Strategy of Conflict*. Cambridge (Massachusetts), Seite 260.
- ^{viii} Vgl. Margarete Klein (2017): „Russland – Rückkehr als Großmacht?“, in: Florian Hahn (Hrsg.): *Sicherheit für Generationen. Herausforderungen der neuen Weltordnung*: 37-42. Berlin, Seite 37.
- ^{ix} Tim Marshall (2018⁸): *Die Macht der Geographie. Wie sich Weltpolitik anhand von 10 Karten erklären lässt*. München, Seite 21.
- ^x Vgl. Wolfgang Ischinger (2018): *Welt in Gefahr: Deutschland und Europa in unsicheren Zeiten*. Berlin, Seite 108f.
- ^{xi} Johannes Varwick und Robin Sköries (2015): „Revisionismus und defensiver Imperialismus als Analysekatgorie. Russlands (neue) Außenpolitik im postsowjetischen Raum“, in: Hanns-Seidel-Stiftung (Hrsg.): *Politische Studien* 461 (66): 44-53. München, Seite 49.
- ^{xii} Vgl. Markus Kaiser (2017): „Hybride Bedrohungen oder der Kampf von Innen (Fake News)?“, in: Florian Hahn (Hrsg.): *Sicherheit für Generationen. Herausforderungen der neuen Weltordnung*: 61-66. Berlin, Seite 61.
- ^{xiii} Maximilian Terhalle (2017): „Strategische Prioritäten. Nukleare, konventionelle und intellektuelle Erfordernisse deutscher Sicherheitspolitik“, in: Florian Hahn (Hrsg.): *Sicherheit für Generationen. Herausforderungen der neuen Weltordnung*: 67-72. Berlin, Seite 68.
- ^{xiv} Vgl. Wolfgang Ischinger (2018): *Welt in Gefahr: Deutschland und Europa in unsicheren Zeiten*. Berlin, Seite 71.
- ^{xv} Vgl. Klaus Naumann (2017): „Die NATO: Ein Bündnis für die Zukunft?“, in: Florian Hahn (Hrsg.): *Sicherheit für Generationen. Herausforderungen der neuen Weltordnung*: 103-106. Berlin, Seite 105.
- ^{xvi} Svenja Sinjen (2018): „Kurs halten! Deutschland ist bei der Abschreckung gegen Russland unverzichtbar“, in: *Internationale Politik* 73 (5): 22-23. Paderborn, Seite 22.
- ^{xvii} Vgl. Henning Riecke (2016): „Kohäsion oder Diffusion? Die NATO und die Risiken im Süden“, in: Hanns-Seidel-Stiftung (Hrsg.): *Politische Studien* 470 (67): 33-42. München, Seite 41.
- ^{xviii} Johann Wolfgang von Goethe (2009 [1787]): *Iphigenie auf Tauris*. Ein Schauspiel. Stuttgart, Seite 57, Vers 1839f.
- ^{xix} Johann Wolfgang von Goethe (2009 [1787]): *Iphigenie auf Tauris*. Ein Schauspiel. Stuttgart, Seite 56, Vers 1831.
- ^{xx} Johann Wolfgang von Goethe (2009 [1787]): *Iphigenie auf Tauris*. Ein Schauspiel. Stuttgart, Seite 13, Vers 293f.
- ^{xxi} Johann Wolfgang von Goethe (2009 [1787]): *Iphigenie auf Tauris*. Ein Schauspiel. Stuttgart, Seite 56, Vers 1834.

Денис Ивановский

*Студент 1 курса магистратуры,
Факультет международных отношений, СПбГУ
г. Санкт-Петербург*

Европейская система безопасности: возможности и пути преодоления кризиса

До 2014 года, несмотря на многие сложности, Москва и европейский Запад всегда сохраняли потенциал сотрудничества в сфере безопасности. Ни военная операция НАТО в Югославии в 1999 г., ни расширения НАТО, ни военный конфликт между Россией и Грузией в 2008 г., который приостановил работу Совета Россия-НАТО, не приводили к такой глобальной и всеобъемлющей «секьюритизации» России в качестве угрозы для системы европейской безопасности, как это сделал украинский кризис. 2014 год стал концом периода «романтической» дипломатии России и Запада [1].

Сегодняшняя среда системы европейской безопасности характеризуется чрезвычайной агрессивностью по отношению к России. Триггером резкого ухудшения отношений между Россией и Западом в сфере безопасности стал украинский кризис и все его последствия. Однако причины конфронтации России и Европы более фундаментальны. В этой связи, события 2013-2014 гг. стали, скорее, поводом к созданию новой конфигурации отношений в сфере безопасности по линии «Россия-Запад».

Стоит начать с того, что сам термин «безопасность» и его наполнение может восприниматься по-разному [2]. Так, для НАТО, которая на фоне недостаточно эффективной деятельности ОБСЕ [3] является крайне важным элементом системы европейской безопасности, данное понятие синонимично контролю. Такое восприятие безопасности передаётся Альянсу от США, которые занимают доминирующую позицию в организации. Для России же безопасность связана, с одной стороны, с защищённостью страны от угроз [4], а с другой, что более важно, с гарантиями самостоятельности и независимости своих действий. Такое расхождение в понимании безопасности ведёт к увеличению уровня конфликтности в европейском регионе. НАТО, таким образом, стремится укрепить свой контроль, в частности, на восточных рубежах. Для Москвы же подобная деятельность организации вызывает беспокойство не только с точки зрения непосредственно военной безопасности, но и становится угрозой независимой политики государств в европейском регионе. В свою очередь, стремление России отстаивать самостоятельность подталкивает Альянс на дальнейшее усиление контроля.

Другую причину кризиса между Россией и Европой можно найти в самой системе отношений двух сторон. Российская Федерация никогда не была полноценно интегрирована в систему европейской безопасности. Её обеспечение всегда достигалось за счёт компромиссов. Несмотря на то, что в 1990-е г. в рамках ОБСЕ и Совета Россия-НАТО было достигнуто множество политических договорённостей по вопросам неделимости европейской безопасности, в 2009 г. Д.А. Медведевым был предложен проект Договора о неделимом Евро-Атлантическом пространстве безопасности [5], отношения между Россией и Европой всегда оставались на расстоянии, которое то увеличивалось, то уменьшалось [6]. Украинский кризис в данной связи стал очередной проверкой системы отношений России и Европы, однако глубина последствий этого события не позволяет нащупать почву для поиска компромисса между сторонами. Более того, позиции сторон стали настолько отдаляться, что налаживание диалога в среднесрочной перспективе представляется всё менее возможным. Свидетельством этого стали результаты последних саммитов НАТО, прошедших в Бельгии (2017) и Варшаве (2016), где Россия позиционируется в качестве угрозы европейской

безопасности [7, 8]; глобальная стратегия ЕС в области внешней политики и безопасности 2016 г., в рамках которой Москва стала «стратегическим вызовом» для Союза [9]. В концепции внешней политики РФ 2016 г. также нашла отражение проблема отношений между Россией и НАТО [10], однако её представление не является столь агрессивным, как это отражено в документах ЕС и НАТО.

Третья причина кризиса по линии Россия-Европа носит системный характер. Элементами европейской системы безопасности являются, во-первых, НАТО и ОБСЕ, чья деятельность заключается в обеспечении безопасности европейского континента, во-вторых, ЕС, в рамках которого осуществляется общая внешняя политика и политика безопасности, в-третьих, Россия как отдельный участник системы европейской безопасности. Изменения этих элементов породило трансформацию самой системы.

НАТО, будучи организацией блокового противостояния, после 1991 г. пыталась придать своей деятельности новый характер. Тем не менее, после 2014 года Альянс вновь вернулся к политике сдерживания теперь уже Российской Федерации, в то же время прокламируя открытость к диалогу с Москвой [11]. Такая политика организации напоминает события почти 40-летней давности, когда в свете кризиса «евро ракет» было принято «Двойное решение НАТО». Суть решения 1979 г. можно спроецировать и на сегодняшние реалии: наращивание военной мощи на своих восточных рубежах для сдерживания России – с одной стороны, и готовность к диалогу – с другой. Тем не менее, важнейшим вопросом остаётся степень готовности Альянса к диалогу.

Другой элемент системы, ОБСЕ, демонстрирует невысокий уровень эффективности в вопросах разрешения серьёзных кризисов безопасности в Европе. Так, решения организации зачастую носят политический, нежели практический характер, а сама система организации ОБСЕ не способна обеспечить качественное управление кризисными ситуациями в регионе [12].

Стоит отметить и изменения, которые находят отражение в Европейском Союзе. ЕС, являясь комплексным элементом системы европейской безопасности, сталкивается с большим пулом проблем (Brexit, рост евроскептицизма, кризис беженцев), которые влияют на внутреннюю и внешнюю политику Союза. Кроме того, увеличивается количество голосов, выступающих за усиление независимости Европы в вопросах обеспечения безопасности [13]. Всё это влияет на генеральную линию Европейского Союза, которую сегодня в отношении России характеризуется как достаточно сдерживающая, что мы можем наблюдать, например, в позиции стран ЕС по ситуации вокруг Донбасса и Крыма, но более гибкая, что отражается в реальной готовности государств ЕС вести переговоры с Россией по ряду вопросов.

Таким образом, элементы системы европейской безопасности в виде политики сдерживания России со стороны НАТО, малой эффективности ОБСЕ в решении кризисов безопасности в Европе, сложной внутренней ситуации ЕС, влияющей на его общую внешнюю политику, а также укрепления роли России на геополитической карте мира формируют ту конфронтационную среду, в которой Россия и Европа вынуждены существовать. Несмотря на то, что после 2014 г. наблюдается наиболее значимые изменения элементов системы европейской безопасности (усугубление кризиса в ЕС, его стремление проводить более самостоятельную военно-политическую линию; провозглашение политики сдерживания НАТО и др.), сама трансформация элементов (расширение НАТО на Восток, уменьшение эффективности деятельности ОБСЕ, евроскептицизм и др.), которая влияет на систему, носит структурный и длительный характер, а не объясняется лишь последствиями украинского кризиса.

Сегодня для восстановления диалога между Россией и Европой, который крайне необходим для стабилизации системы европейской безопасности и взаимовыгодного сотрудничества в различных сферах (гиперпространство, борьба с терроризмом и пр.), потребуются довольно долгий и сложный

процесс поиска компромиссов. Но для начала сторонам стоит нащупать точку, от которой они смогут оттолкнуться и начать конструктивный диалог. Здесь сторонам стоит понять ту грань, когда постоянное наращивание противостояния смогут привести к уже бесповоротной на долгое время глубокой вражде. В этом случае России следует посылать участникам системы европейской безопасности сигналы готовности к ведению диалога и сотрудничеству, однако они должны быть продуманны и не наносить ущерб самой России.

Учитывая зачастую бескомпромиссную позицию НАТО, ЕС и отдельных европейских стран в отношении России и понимая достаточно глубокий характер противоречий (например, по вопросам Донбасса) и невозможность быстро изменить ситуацию в лучшую сторону, Москве стоит сконцентрировать внимание на качественной работе с тем, где у России сохраняются линии сотрудничества. Это могут быть двусторонние контакты России и отдельных стран ЕС, деятельность России в рамках ОБСЕ, ООН. Положительный результат работы в этих сферах поможет сдвинуть с мёртвой точки систему отношений России и Европы в целом, что приведёт к пониманию необходимости стабилизировать систему европейской безопасности посредством диалога.

И наконец, в свете серьезной конфронтации сторон и доминирования в отношениях дипломатии принуждения, России следует более активно использовать инструменты мягкой силы. Сегодня мы наблюдаем, что чрезвычайно важную роль в усугублении диалога России и Европы играет именно навязанное формирование образа, в данном случае, «агрессивной Москвы». Представляя Россию в качестве угрозы, страны Прибалтики не отходят от идеи возможного вторжения с Востока, а в случае отравления Скрипалей образа «злой и жестокой» России достаточно для обвинения нашего государства. В связи с этим, инструменты мягкой силы (проведение международных мероприятий на территории России, качественное расширение деятельности информационных ресурсов за рубежом и др.) помогут ослабить информационное давление, оказываемое со стороны Запада.

Список источников и литературы

1. Иванов И. РФ и Европа: от романтики к прагматике [электронный ресурс] / Российский совет по международным делам: РСМД. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rf-i-evropa-ot-romantiki-k-pragmatike/> (дата обращения: 26.04.2018)
2. Цыганков П.А. Европейская безопасность в свете теории политического реализма / Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2017. № 4. – С. 7-16
3. Мизин В.И. Перспективы и дилеммы европейской системы безопасности / Международная аналитика. 2016. № 4 (18). – С. 7-18
4. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [электронный ресурс] / Президент России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 26.04.2018)
5. Проект Договора о европейской безопасности, 2009 [электронный ресурс] / Президент России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/6152>
6. Layton, S. Reframing European security: Russia's proposal for a new European security architecture / International Relations. 2014. Vol. 28, № 1. – P. 25-45
7. Warsaw Summit Communiqué, 2016 [электронный ресурс] / NATO. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (дата обращения: 26.04.2018)
8. Meeting of Heads of State and/or Government, NATO Headquarters, 25 May 2017 [электронный ресурс] / NATO. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/events_143956.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 26.08.2018)

9. Russland: Vom „strategischen Partner“ zur „strategischen Herausforderung“ [электронный ресурс] / Euractiv. – URL: https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/eu-to-label-russia-a-strategic-challenge/?_ga=2.186922792.103726810.1524937359-2028441477.1524937359 (дата обращения: 26.08.2018)
10. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 30 ноября 2016 г.) [электронный ресурс] / МИД РФ. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/ckNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 26.04.2016)
11. Back from the brink: Toward restraint and dialogue between Russia and the West [электронный ресурс] / Brookings. – URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/Deep-Cuts-Commission-Third-Report-June-2016-1.pdf> (дата обращения: 26.04.2018)
12. Воронков Л.С. ОБСЕ и европейская безопасность. Что дальше? / Современная Европа. 2018. № 1 (80). – С. 69-79
13. Голуб Ю.Г., Алексеев Д.С. Европейская безопасность в новых условиях взаимодействия России и Запада / Современная Европа. 2017. № 2 (74). – С. 55-64

Юлиан Павлак

Научный ассистент отдела морской стратегии и безопасности
Института политики в сфере безопасности (ISPK)
Студент магистратуры, международная политика и международное право,
Университет Кристиана Альбрехта, Киль

Что ищет медведь у нас в огороде? К пониманию российской политики в отношении соседей

В этом эссе не будет оперативных предложений по преодолению текущих конфликтов между Россией и «Западом». Его цель — рассмотреть в первую очередь макроуровень в структуре проблем и таким образом осознанно включить в процесс разрешения конфликтов антагонистические картины мира.

«Медведь ни у кого разрешения спрашивать не будет. Вообще, он, медведь, считается у нас хозяином тайги, и [...] тайги он своей никому не отдаст».ⁱ

Этими недвусмысленными словами, адресованные как международному сообществу, так и населению Российской Федерации, Владимир Путин продемонстрировал, что русский медведь силён и уверен в себе. Медведь в состоянии действовать *ad libitum*, то есть так, как ему захочется, без оглядки на государства, организации и институты. Если обратить внимание на действия России во внешней политике, прежде всего, на Украине и в Грузии, станет ясно, что ревизионизм Москвы, который (Западная) Европа осознала самое позднее в 2014 году, не стал каким-то резким изменением поведения. Созданная совместными усилиями в 1990-е годы коллективная европейская архитектура безопасности, опирающаяся на Заключительный акт СБСЕ, Парижскую хартию и Основополагающий акт Россия — НАТО, распускается в одностороннем порядке, при этом инициаторы процесса осознают, какие последствия будет иметь конфронтация с либеральной системой, которую олицетворяют суверенитет, территориальная целостность и равенство всех государств.ⁱⁱ

Неслучайно об этом сказал и российский президент, заявив, что «распад СССР — крупнейшая геополитическая катастрофа века»ⁱⁱⁱ и он хотел бы по возможности повернуть этот процесс вспять.^{iv} Это напоминает и образ русского медведя, который никому не отдаст тайгу, то есть Россию-матушку. В основе такой риторики всегда были элементы советской великодержавности. В начале нового тысячелетия Москва стала реже ей пользоваться, но лишь для того, чтобы в 2014 году обозначить свои претензии на статус великой державы ещё отчётливее — и вербально, и невербально.^v

Это связано с глубоко укоренённой в России концепцией *великодержавности*, согласно которой Российская Федерация продолжает давнюю традицию и по-прежнему является такой великой державой.^{vi} Эта вера не просто выражение ностальгии советских романтиков по прошлому. Она отражается и в самовосприятии идентичности, это видно, например, по рейтингу путинской администрации после аннексии Крыма.^{vii} Ещё заметнее это в моделях поведения правящей элиты, которая пока может не опасаться конкуренции со стороны оппозиции.^{viii}

Чтобы не упустить из виду мотивы поведения всех участников процесса, тем, кто принимает решения на Западе, следует признать, что «российский подход к порядку»^{ix} имеет определённые причины. Россия регулярно выражает опасения в связи с присутствием сил НАТО в Восточной Европе, и не следует сразу от них отмахиваться, считая их односторонним нарративом.^x Хотя силы НАТО на самом деле размещены там исключительно с целью обороны, членство той или иной страны в Альянсе уже *само по себе* считается реальной угрозой. Москва при этом реализует *политику силы* в её классическом, реалистическом смысле. Безопасность собственного

государства важнее всего, а упомянутый подход к порядку даёт великой державе право расширять сферу влияния вблизи своих границ, чтобы помешать чужим войскам приблизиться к ним.^{xi} Международные отношения при этом рассматриваются как игра с нулевой суммой, из-за этого возникшая в настоящий момент дилемма безопасности становится ещё сложнее.^{xii}

В этом контексте следует осознать, что военное вмешательство в Грузии и на Украине вызваны не эгоцентричным желанием подавить более слабые соседние страны. Понять причины этих действий можно, если исходить из того, что с точки зрения российского руководства они стали логичной реакцией на пересечение красной линии. Это подчёркивал и Сергей Лавров.^{xiii} Военные и политические руководители в Москве не только оправдывают вмешательство в дела соседних государств соображениями реальной политики, но и связывают их с глубоко укоренившимся советско-русским великодержавным мышлением. В 2008 году было открыто объявлено о вступлении бывших советских республик в НАТО, красная линия была пересечена, и в итоге это привело к российскому военному вмешательству.^{xiv} В 2014 году такой линией стали оранжевая революция и бегство Януковича.^{xv}

Автор ни в коем случае не пытается оправдать или обелить российскую агрессию, интервенции и нарушения международного права. Однако, чтобы продвинуться вперёд в сложившейся ситуации постоянного дефицита коммуникации, следует понять, что переговоры нужно вести на более глубоком уровне, избегая упрощённых чёрно-белых оценок нарушений правовых норм. В этом конфликте мы имеем дело не просто с двумя различающимися нарративами. Его корни уходят глубже, в разницу представлений о том, как заниматься международной политикой и как её интерпретировать. Многополярному, основанному на праве подходу Запада, который за прошедшие четверть века позволил выстроить стабильную систему межгосударственных отношений, сегодня противопоставляется давно известный конфликт великих держав. Поэтому ситуацию на «восточном фланге», где у этого конфликта самый большой потенциал, можно упрощённо объяснить тем, что стороны пользуются разными «правилами игры».^{xvi}

Чтобы создать условия для серьёзного сближения между российским руководством и НАТО и ЕС, стороны конфликта должны это осознать и вести переговоры с позиции честности, причём за столом переговоров не следует избегать обсуждения противоположных точек зрения. Только так можно восстановить взаимное доверие. Не подлежит сомнению, что необходимо параллельно заниматься сдерживанием и принимать меры в сфере военной политики и политики в области безопасности. Кроме того, автор понимает, что этот процесс, в ходе которого нужно признать и собственные ошибки, не может обойтись без посредников. Слишком уж затвердели отстаиваемые годами позиции, слишком сильно укоренился в сознании хорошо знакомый образ врага. Тем не менее диалог с учётом разницы позиций — единственный путь, который поможет нам стать ближе внутри нашего «общего европейского дома».

Сноски

ⁱ Vladimir Putin, im Rahmen des Valdai Discussion Forums 2014, zitiert nach: Nalbandov, Robert (2016): *Not by bread alone: Russian Foreign Policy under Putin*, University of Nebraska Press: Lincoln, Nebraska, S. 194.

ⁱⁱ Krause, Joachim (2017): Die neue Zeitenwende in den internationalen Beziehungen, *SIRIUS – Zeitschrift für strategische Analysen*, 1 (1), S. 7; 9.

ⁱⁱⁱ Putin, Vladimir (2005): *“Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation”*, The Kremlin, 25.04.2005, <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>.

^{iv} Osborn, Andrew/Lawson, Hugh (2018): *“Putin, before vote, says he'd reverse Soviet collapse if he could: agencies”*, Reuters, 02.03.2018, <https://www.reuters.com/article/us-russia-electionputin/putin-before-vote-says-hed-reverse-soviet-collapse-if-he-could-agenciesidUSKCN1GE2TF>.

^v Urnov, Mark (2014): ‘Greatpowerness’ as the key element of Russian self-consciousness under erosion, *Communist and Post-Communist Studies*, 47 (3-4), S. 308-309.

^{vi} Ebd.: 305.

^{vii} Levada-Center (2018): "Putin's Approval Rating", Levada-Center, <https://www.levada.ru/en/ratings/>.

^{viii} Urnov (2014): 305.

^{ix} Krause, Joachim (2017): 6.

^x Putin, Vladimir (2014): "The Military Doctrine of the Russian Federation", The Embassy of the Russian Federation to the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, 25 December 2014, <https://rusemb.org.uk/press/2029>; Vesper, Reinhard (2017): *Reale Sorgen*, Frankfurter Allgemeine Zeitung, 10.03.2017, <http://www.faz.net/aktuell/politik/russland-wird-durch-nato-nicht-eingekreist-14917199.html>.

^{xi} Mearsheimer, John J. (2001): *The Tragedy of Great Power Politics*, W. W. Norton & Company: New York, S. 150 f.

^{xii} Laguerre, Corentin (2016): "Russia's self-inflicted security dilemma", Center for International Maritime Security, 12 December 2016, <http://cimsec.org/russias-self-inflicted-securitydilemma/29977>.

^{xiii} Galeotti, Mark (2016): *Heavy Metal Diplomacy: Russia's Political Use of its Military in Europe since 2014*, European Council on Foreign Relations Policy Brief 200, Dezember 2016, ECFR: London, S. 2.

^{xiv} In der Erklärung zum NATO-Gipfel in Bukarest 2008 heißt es: "NATO welcomes Ukraine's and Georgia's Euro-Atlantic aspirations for membership in NATO. We agreed today that these countries will become members of NATO." siehe: NATO (2008): "Bucharest Summit Declaration", North Atlantic Treaty Association, 03. April 2008, https://www.nato.int/cps/us/natohq/official_texts_8443.htm.

^{xv} Mearsheimer, John J. (2014): "Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault. The Liberal Delusions That Provoked Putin", *Foreign Affairs*, September/Oktober 2014, <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault>, S. 5 f.

^{xvi} Mearsheimer (2014): 8.

МАРИЯ ПОПОВА

Студентка 4 курса,

Факультет Политологии СПбГУ, г. Санкт-Петербург

Европейская система безопасности: возможности и пути преодоления кризиса

В соответствии с недавним опросом Евробарометра «Проектирование Европейского будущего: безопасность и оборона» около 75 % респондентов выступили за общую политику в сфере обороны и безопасности и больше половины всех респондентов (55%) высказались за создание армии Европейского союза[1]. В то же время результаты Евробарометра того же 2017 года «Отношение Европы к безопасности» показывает, 68% людей не считают Европу безопасным местом[2]. Эти данные будто дают *carte blanche* на модернизацию Европейской системы безопасности, тем не менее осуществление реформ такого рода требует значительной смелости и даже в некоторой степени наглости. Взять на себя такую ответственность — значит переработать саму концепцию Европейского союза и его институты.

Ныне существующая система Европейской безопасности имеет ряд основополагающих документов, которые определили общую направленность деятельности Европейского союза - Заключительный акт Сопровождающего по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., Парижская хартия 1990 г., Хельсинские документы 1992 г., Лиссабонская декларация 1996 г., Кодекс 1994 г., Хартия европейской безопасности 1999 г. Эти документы так или иначе оформили общую архитектуру Европейской безопасности, которая теперь требует не просто косметического ремонта, но полной реконструкции. «Суверенитет, независимость и территориальная целостность государств, нерушимость границ и мирное урегулирование споров – ключевые составляющие Европейской системы безопасности.»[3] Этим несколько абстрактным понятием, построившим общий каркас Европейской системы безопасности, теперь требуются конкретные действия. Когда страна кичится своим суверенитетом и независимостью это начинает мешать, поскольку становится невозможным выразить общую волю. На мой взгляд система Европейской безопасности сейчас до боли напоминает пресловутую басню Крылова «Лебедь, рак и щука», но в действительности это так – кто-то стремится быть больше задействованным в НАТО, кто-то стремится к созданию собственной Европейской системы безопасности, а кто проявляет просто абсолютную незаинтересованность.

Вышеперечисленные документы в своей перспективе так или иначе всегда апеллировали к проблеме более интегрированной системы безопасности, однако существующее положение дел требует более кардинального подхода и реальной передачи части полномочий с уровня действий одного определённого государства до уровня надгосударственного. Безусловно, не все страны будут к этому готовы, поэтому система «многоскоростной Европы» видится мне единственным возможным выходом из ситуации.

Здесь я считаю важным упомянуть концепцию французского политолога, старшего научного сотрудника Парижского центра международных исследований (CERI) Заки Лаиди. Он считает, что причиной такого разношерстного отношения к системе безопасности Европейского союза является невозможность увидеть себя в качестве гаранта своей собственной безопасности. Это толкает ряд стран его на членство в НАТО, поскольку без его поддержки страны-члены Европейского союза чувствуют себя в опасности.[4] Дело не только в наличии или отсутствии атомного оружия (ведь у Франции оно есть). Бразилия, например, очень уверенно ведёт себя в вопросах безопасности на

международной арене, не обладая таковым. Так что же мешает Европейскому союзу почувствовать себя самодостаточным актором в мировой политике?

На мой взгляд, главная причина кризиса Европейской системы безопасности кроется в отсутствии единой точки зрения ЕС в отношении этой проблемы. Например, если проанализировать позиции двух наиболее влиятельных игроков ЕС - Франции и Германии в отношении этого вопроса, то мы увидим абсолютно разное восприятие проблемы безопасности. Франция, будучи частью НАТО, все-таки пытается противопоставить что-то этой организации и создать систему баланса внутри нее. То есть фактически, находясь в системе и в целом разделяя ее ценности, бороться против нее. Эммануэль Макрон, выступая с речью перед студентами парижского университета Сорбонна, предложил усовершенствовать систему обороны и безопасности Европейского Союза посредством создания «общих европейских сил быстрого реагирования». Это подразумевает в том числе создание единого оборонного бюджета и общей военной доктрины[5], что в свою очередь требует наделяния большими полномочиями Европейской Комиссии и передачи части суверенитета стран участниц Европейского союза на надгосударственный уровень. Однако большинство стран воспринимают это предложение скорее, как вызов их независимости и национальной идентичности, и если не против нее, то как минимум выражают недоверие этой идее. Германия проявляет куду большую лояльность НАТО и видит его своего рода патроном, который в нужный момент защитит и предоставит помощь. Это идет в русле немилитаристской политики Германии. Министр иностранных дел Германии Зигмар Габриэль достаточно скептически говорит о каких-либо общих проектах Европейского союза в отношении обороны, выражая нейтралитет и даже, на мой взгляд, некоторую отрешенность Германии в вопросах милитаризации[6]. Тем не менее он активно поддерживают идею многоскоростной Европы, говоря о ней как о возможном пути выхода из кризиса. Состояния франко-германских отношений, на мой взгляд, является краеугольным камнем Европейской системы безопасности. И именно эта концепция «разных скоростей» является вероятно единственной точкой соприкосновения этих стран.

Таким образом, по моему мнению, преодоление кризиса в Европейской системе безопасности возможно только в случае в частичной или даже полной ее «переинституализации» и воплощения в реальность системы многоскоростной Европы. Общая система безопасности требует серьезных финансовых вложения и соответственно общей фискальной политики, что невозможно без потери части суверенитета странами-участницами ЕС. А поскольку другие исследования Евробарометра показывают, что большая интегрированность государства в ЕС рассматривается не только как возможность для экономического и политического роста, но и как угроза национальной идентичности своей страны, то становится понятно, что размежевание ЕС - это неизбежность, которую необходимо преодолеть максимально эффективно. Не менее важный пункт в модернизации системы безопасности ЕС - это более тесное взаимодействие Германии и Франции как двух наиболее крупных игроков в ЕС. Правительства этих двух стран не так давно начали реализовывать план совместной разработки нового истребителя, что, конечно, является хорошим шагом вперед, другой вопрос достаточным ли?

Сноски

[1] Special Eurobarometer 461: Designing Europe's future: Security and Defence. 2017. URL : file:///C:/Users/User/Downloads/EBS_461_pt2_en.pdf

[2] Special Eurobarometer 464b: Europeans' attitudes towards security 2017.

- [3] Michael E. Smith's book, Europe's Foreign and Security Policy. The Institutionalization of Cooperation, Cambridge, Cambridge University Press, 2004
- [4] Laidi, Zaki, Norms over Force. The Enigma of European Power, Palgrave MacMillan US, 2008.
- [5] Macron, Emmanuel, "Initiative for Europe. A sovereign, united, democratic Europe", 26 September 2017 at the Sorbonne University
- [6] Gabriel, Sigmar, "We Are Seeing What Happens When the US Pulls Back", in Der Spiegel, 8 January 2018

МИХАЭЛЬ РИХТЕР*Студент магистратуры; политика, международная экономика и международные отношения;
Юнивёрсити Колледж, Лондон (UCL) и НИУ ВШЭ, Москва*

Будущее европейской инфраструктуры безопасности

Как пишет в своём анализе Фонд Карнеги, «действия России на Украине [разрушили] основные элементы европейской инфраструктуры безопасности послевоенного времени, просуществовавшие без малого 75 лет» (Rumer, 2016, с. 3). В то же время эксперты пишут и о собственном восприятии Кремля с учётом оборонительного характера этих действий. В какой-то степени это логично, если рассматривать динамику экономической политики России с момента вступления Путина в должность и характер случившегося в 2014 году «национального подъёма», поддержавшего режим (на короткое время).

Экономическая наука говорит о достаточно чёткой позитивной связи между экономическим развитием страны и уровнем развития демократии в ней (Heshmati und Kim, 2017), но в России наблюдается противоположный феномен. В 2000-х страна показывала очень высокие темпы экономического роста, но одновременно оказалась единственной, которая с 2001 по 2005 год превратилась из сравнительно свободной в авторитарную (Aslund, 2005). В литературе можно найти объяснение этому нетипичному пути развития: президент Путин пообещал своим уставшим от кризисов соотечественникам «экономический рост в обмен на политическую пассивность» (Sakwa, 2014). Этот общественный договор работал, пока росли цены на нефть. Но во время кризиса и после него стали отчётливо видны границы основанной на сырье экономической модели, темпы роста и перспективы заметно ухудшились (Djanikov, 2015). Хотя экономическую часть договора больше невозможно было соблюдать, не проводя решительных либеральных реформ, становившийся всё более авторитарным путинский режим цеплялся за власть. Это стало решающим фактором во время публичных протестов 2011 и 2012 года (Pifer, 2017).

Аннексию Крыма можно рассматривать с двух точек зрения. Всего два года спустя после массовых демонстраций против президента рейтинг Путина стремительно вырос на фоне «национального подъёма», имевшего явно антизападные черты (Kolesnikov, 2018; Bechev, 2015). Однако нарушение норм международного права имело колоссальные внешнеполитические и экономические последствия и ещё сильнее ухудшило и без того непростую ситуацию в экономике: из-за западных санкций страна недосчиталась примерно 6% возможного роста ВВП. Санкции ускорили отток капитала и помешали России получить новые западные технологии, от которых она невероятно сильно зависит (Tull et al. 2018 und Doff, 2018). У России слабые среднесрочные и долгосрочные перспективы роста, она всё сильнее отстаёт от Запада, хотя вообще-то должна была его догнать.

Сдвиг легитимности после аннексии Крыма имел краткосрочный характер. Это стало видно по рейтингу Путина после того, как было объявлено о начале пенсионной реформы (Kolesnikov, 2018). А негативное восприятие России в западных странах уже глубоко укоренилось (Dickinson, 2017). Интересно, что снижение популярности президента сопровождалось заметным улучшением имиджа ЕС и США среди российского населения (Levada, 2018), это ещё один признак угасания «национального подъёма» в России.

Страну сегодня настигла реальность, при этом «близкие к Путину» интеллектуалы вроде Сергея Караганова уже предупреждают, что Россию «ждёт поражение в будущем политическом, экономическом и военно-стратегическом соревновании 21 века», если не будут проводиться реформы (Karaganov, 2015). Ещё до начала украинского кризиса, с 2000 по 2014 год, из России уехали 1,8 млн человек, в основном, молодые и хорошо образованные люди, их подтолкнул к

этому застой в экономике. Согласно выводам аналитиков, эмиграция населения — «серьёзная угроза безопасности страны и основная помеха усилению роли России в мире» (Ansley, 2017). Нынешняя автономия России в сфере экономической политики, к которой та стремится, чтобы избавиться от зависимости от Запада, тяжёлым бременем ложится на население (Andrianova, 2018).

Экономически Россия оказывается во всё более глубокой изоляции, это состояние опасно не только для самой России и её положения в мире. В случае усиления сепаратистских тенденций режим может стать ещё менее предсказуемым, а значит, решиться на ещё более резкие внешнеполитические манёвры, чтобы в последний раз попытаться укрепить свою внутривнутриполитическую легитимацию.

Таким образом, ясно, что и краткосрочные, и долгосрочные перспективы социального и экономического развития России на данный момент выглядят очень плохо и серьёзно повлиять на европейскую инфраструктуру безопасности. При этом понятно, что главным условием для роста российской экономики являются реформы и (экономическое) сближение с Западом (Smart, 2017).

Поскольку надежды Запада на создание основанной на ценностях европейской инфраструктуры безопасности пока — это представляется довольно очевидным — не оправдались, роль Запада в сложившейся ситуации определяется достаточно однозначно. Военные возможности членов НАТО и России серьёзно отличаются, причём не в пользу последней (Rumer, 2016), поэтому Европа должна предельно чётко показать режиму красную линию, а каждому члену НАТО — готовность гарантированно защищать его, чтобы свести к минимуму возможности Кремля проводить агрессивные действия против более мелких стран — членов Альянса (например, Эстонии). На так называемую толерантную войну, которую ведёт режим, «пытаясь сдвинуть границы сопротивления и нарушить правила», необходимо решительно ответить обозначением чётких красных линий (Chirman, 2018). Центральную роль при этом играет Украина, которая сделала однозначный выбор в пользу Запада. Запад тоже должен её поддержать, хотя сейчас из-за строительства «Северного потока — 2» Украина, к сожалению, лишается основного рычага давления на Москву — с этой точки зрения, неверный подход (CRS, 2018). Поэтому все члены ЕС должны придерживаться единой политики по стратегическим вопросам, к которым относятся и энергобезопасность, и потенциальные жертвы российской политики за пределами ЕС. Цель в том, чтобы повысить расходы на ведение войны в Европе. Они должны вырасти настолько, чтобы Россия, экономически всё более слабая, отказалась от логики, в которой военные действия рассматриваются как способ укрепления легитимации, и пошла на вынужденные уступки. В то же время Европа, особенно ЕС, должна протянуть России руку помощи в вопросе модернизации, целенаправленно выдвигать и поддерживать инициативы, направленные на улучшение экономических перспектив, особенно на создание настоящего частного сектора экономики. Следует увеличивать взаимозависимость, это тоже увеличит расходы на ведение военных действий (Friedman, 2009). Конечно, это противоречит текущей политике Москвы, но что ещё останется кремлёвскому истеблишменту, если воевать окажется слишком дорого, а Запад — единственный возможный партнёр России в деле модернизации, который действительно в состоянии помочь ей добиться прогресса в экономике и предотвратить или хотя бы сгладить социальные и экономические трудности, с которыми страна столкнётся в среднесрочной и долгосрочной перспективе?

Список источников и литературы

1. Andrianova, Anna. "Putin's Isolation Is Denting His Growth Plan for Russia", Bloomberg, 13 November 2018, <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-11-13/putin-can-t-have-cake-and-eat-it-as-isolation-dents-growth-plan>

2. Ansley, Rachel. "Emigration Threatens Russia's Stability." Atlantic Council, 13 March 2017, www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/emigration-threatens-russia-s-stability
3. Appell, James. "The Short Life and Speedy Death of Russia's Silicon Valley." Foreign Policy, Foreign Policy, 7 May 2015, foreignpolicy.com/2015/05/06/the-short-life-and-speedy-death-of-russias-silicon-valley-medvedev-go-russia-skolkovo/
4. Aslund, Anders. "Putin's Decline and America's Response". Policy Outlook, Carnegie
5. Endowment, 01 August 2005
6. Bechev, Dimitar. "Understanding the Contest Between the EU and Russia in Their Shared Neighborhood", Problems of Post-Communism, 2015, 62:6, 340-349,
7. Broadman, Harry G. "Putin May Be The Most Effective Economic Reformer Russia Has Ever Had." Forbes, Forbes Magazine, 2 March 2016, www.forbes.com/sites/harrybroadman/2015/09/30/putin-may-be-the-most-effective-economic-reformer-russia-has-ever-had/#1aea8a7e18a0
8. Cappelli, Otello. Hill, Ronald. "Putin and Putinism". Routledge, 2010
9. Chipman, John. "A New Geopolitical Challenge to the Rules-Based Order." International Institute for Strategic Studies (IISS), 16 November 2018. www.iiss.org/blogs/analysis/2018/11/challenge-rules-based-order
10. CRS (Congressional Research Service). "Nord Stream 2: A Geopolitical Lightning Rod", IN FOCUS, August 7, 2018
11. Djankov, Simeon. "Russia's Economy under Putin: From Crony Capitalism to State Capitalism". Policy Brief 15-18, September 2015
12. Dickinson, Peter. "Putin Learns the Hard Way That Crimean Crime Does Not Pay." Atlantic Council, 28 February 2017, www.atlanticcouncil.org/blogs/ukrainealert/putin-learns-the-hard-way-that-crimean-crime-does-not-pay
13. Doff, Natasha. "Here's One Measure That Shows Sanctions on Russia are Working", Bloomberg, 16 November 2018, <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-11-16/here-s-one-measure-that-shows-sanctions-on-russia-are-working>
14. Friedman, Thomas L. "The World Is Flat: a Brief History of the Twenty-First Century". Distributed by Paw Prints/Baker & Taylor, 2009
15. Heshmati Almas, Kim Nam-Seok. The Relationship between Economic Growth and Democracy: Alternative Representations of Technological Change. IZA DP No. 10880. July 2017
17. Karaganov, Sergei, "Лекторий СВОП: «Мир вернулся в эпоху борьбы всех против всех»." 24 December 2015, http://noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=14327
18. Kolesnikov, Andrei. "Why Putin's Approval Ratings Are Declining Sharply." Carnegie Moscow Center, 15 August 2018, carnegie.ru/2018/08/15/why-putin-s-approval-ratings-are-declining-sharply-pub-77049
19. Levada. "Россия и Запад." (Russland und der Westen), 2 August 2018, www.levada.ru/2018/08/02/rossiya-i-zapad-3/
20. McFaul, Michael. "Russia as It Is." Foreign Affairs, Foreign Affairs Magazine, 2 August 2018, www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2018-06-14/russia-it
21. Pifer, Steven. "The Growing Russian Military Threat in Europe." Brookings, The Brookings Institution, 16 May 2017, www.brookings.edu/testimonies/the-growing-russian-military-threat-in-europe/
22. Rapoza, Kenneth. "To Improve Economy, Russia Must 'Reduce Geopolitical Tensions'", Forbes, 30 May 2016, <https://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2016/05/30/to-improve-economy-russia-must-reduce-geopolitical-tensions/#12021bdc6566>
23. Rumer, Eugene. "Russia and the Security in Europe" Carnegie Endowment, June 2016
24. Sakwa, Richard. Putin Redux: Power and Contradiction in Contemporary Russia. Routledge, 2014.
25. Smart, Christopher. "Economic Constraints on Russian Foreign Policy." Council on Foreign Relations, November 17 2017, www.cfr.org/report/economic-constraints-russian-foreign-policy
26. Tyll, Ladislav, et al. "The Impact of Economic Sanctions on Russian Economy and the RUB/USD Exchange Rate." Journal of International Studies, vol. 11, no. 1, 2018, pp. 21-33.

АЛЕКСЕЙ СТАНОНИС

*Студент 3 курса направления подготовки бакалавров «Международные отношения»,
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток*

Потенциал Организации Объединённых Наций в преодолении кризиса Европейской безопасности

Кто виноват и что делать? Вот два вопроса, на которые обычно сложнее всего ответить, когда работаешь над проблемой в сфере международной отношений, и вопрос Европейской безопасности, к сожалению, исключением для меня не стал.

Несмотря на все те нетрадиционные угрозы МО, что принёс в Европу XXI век, наибольшую угрозу миру и безопасности в этом регионе представляет вполне привычное противостояние государств. Рассуждая в реалистичной парадигме, можно сказать, что начиная со Средних веков Европа всегда была ареной противоборства бойцов высшей лиги, трансформировавшейся с началом процесса деколонизации в “задний двор” великих держав. В то время как Ближний Восток, Юго-Восточная Азия и Африка оставались зонами перманентного конфликта, статус-кво, сложившийся по окончании Второй мировой войны и закреплённый ядерным сдерживанием, гарантировал существование Европейского театра военных действий только на картах. Сложившийся баланс сил к концу Холодной войны получил сперва документальное, а затем и институциональное оформление в виде созданной в 1973 году Организации Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Друг познаётся в беде, а эффективность международной организации – в кризисной ситуации. Распад Организации Варшавского Договора, а затем и Советского Союза привёл к целому ряду конфликтов в Европе, ни один из которых не был урегулирован благодаря усилиям ОБСЕ: ни в Югославии, ни в Приднестровье, ни на Украине.

Не следует, однако, искать причину её беспомощности во внутренних изъянах – ОБСЕ была создана как балансер в условиях двуполярного мира, идеально приспособленного к роли медиатора между враждебными полюсами и справлялась с возложенной на неё функцией ровно до тех пор, пока оба полюса были в наличии. Когда же один из контрагентов сперва пропал насовсем, а затем, несмотря на все попытки своего руководства, объективно не в состоянии восстановить паритет по большому числу показателей, организации остаётся только фиксировать усугубление ситуации и призывать стороны к достижению компромисса.

Такая участь не должна была постигнуть организацию, устав которой был задуман как фундамент миропорядка послевоенной эпохи – Организацию Объединённых Наций. Право вето, принадлежащее каждому из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, было призвано и долгое время принуждало ключевых игроков мировой арены к достижению консенсуса при принятии решений. Но так ли это до сих пор?

Начнём с пессимистичной ноты. Первым аккордом нового порядка стали бомбардировки Югославии силами НАТО 24 марта 1999 года. Существует только две ситуации, когда применение силы в отношении суверенного государства является правомерным с точки зрения международного права: во-первых, если это делается в целях самозащиты в ответ на агрессию другого суверенного государства [1] и, во-вторых, по решению Совета Безопасности ООН [2].

Трагедия даже не в том, что удар стран Альянса не был основан на решении Совбеза, а в том, что он фактически легализовал её, упомянув 10 июня 1999 года лишь приверженность сохранению территориально целостности Югославии и недопустимости репрессий в отношении албанского населения Косова [3].

В то же время нельзя сказать, что действия такого рода были не приняты только Россией, министр иностранных дел которой, Евгений Максимович Примаков, совершил знаменитый теперь “разворот над Атлантикой”, прервав, таким образом, свой визит в США. Австрия закрыла своё воздушное пространство для авиации НАТО [4], а Швейцария даже ввела против стран Альянса санкции [5], пусть и исключительно демонстративного характера.

Следующим опасным прецедентом, стала атака силами США, Великобритании и Франции ряда объектов на территории Сирийской Арабской Республики в начале 2018 года. Вызов ООН со стороны P-3[6] был выведен на новый уровень, поскольку удар наносился уже не просто по суверенному государству, а в непосредственной близости от вооружённых сил другого постоянного члена Совбеза. На этот раз для адресата удара коалиции западных стран всё закончилось лучше, в то время как ООН достигла даже меньших результатов. На заседании Совета Безопасности основные акторы обменялись взаимными обвинениями, но так и не смогли принять итогового документа [7].

Возникает вполне резонный вопрос – если даже те страны, которые и создали ООН для закрепления своего положения и должны быть хранителями порядка, заложенного в Уставе, более не считаются с “правилами игры”, есть ли смысл надеяться на Организацию в будущем? Что может предложить ООН для преодоления кризиса Европейской безопасности, нашедшего своё ярчайшее проявление в ситуации на Украине?

Надежда всё ещё есть. Во-первых, несмотря на игнорирование необходимой легитимации некоторых военных действий, стороны всегда прибегают к ней в тех случаях, когда консенсус всё же достигнут. Например, и так называемая “ядерная сделка” с Ираном [8], и Минские соглашения [9] были утверждены резолюцией СБ, а значит ООН всё ещё имеет вес в современных МО, становящихся всё более циничными и беспринципными.

Нельзя не отметить также важность ООН как площадки для декларирования интересов государств. В то время как количество совместных площадок между Россией и Европой неуклонно сокращается (выход РФ из Группы Восьми, прекращение работы Совета Россия-НАТО, прекращение взаимодействия по линии Парламентской ассамблеи Совета Европы), государства-члены ООН продолжают делать программные выступления на сессиях Генеральной Ассамблеи, представители как России, так и её оппонентов работают вместе над проектами Всемирного банка, обеспечивают режим нераспространения в Международном агентстве по атомной энергии, помогают островным государствам бороться с последствиями изменения климата и пр., что позволяет создавать постоянные дипломатические контакты, способствующие повышению взаимного доверия.

Важное место среди механизмов урегулирования текущего кризиса, которые потенциально может предложить ООН, занимают миротворческие миссии. Хотя изначально задумывалось создание и другой формы силового метода поддержания международного мира и безопасности в ведении Организации – Вооружённых сил ООН под руководством Военно-Штабного Комитета Совета Безопасности [10], оставшихся в итоге мечтой столь же несбыточной, как и Декларация о всеобщем и полном разоружении – на данный момент существует практика применения только миротворческого корпуса, размещаемого для поддержания мира на кризисных территориях после завершения “горячей фазы” конфликта.

Дискуссия о создании миротворческой миссии ООН на Украине не внедряет оптимизма в силу того, что тянется уже не первый год, однако в том случае, если Совет Безопасности придёт к соглашению по этому вопросу (то есть признает размещение “голубых касок” возможным исключительно на линии соприкосновения вооружённых сил Украины и самопровозглашённых республик, как этого требует Россия [11]), идея обретёт некоторые перспективы.

История применения миротворцев ООН знает разные прецеденты. Некоторые, подобно Миссии Организации Объединённых Наций по проведению референдума в Западной Сахаре (МООНРЗС), созданной в 1991 году [12] с целью недопущения кровопролития между Марокко и Народным фронтом освобождения Сегийет-эль-Хамра и Рио-де-Оро (фронтом ПОЛИСАРИО), добивались успеха, в то время как действия другой повлекли за собой события, теперь известные как “Резня в Сребренице”. Одни миссии представляют собой моторизованные части, укомплектованные бронетехникой, а другие – представляют собой полицейские формирования, обеспечивающие общественный порядок в послевоенной разрухе. Так или иначе, пока Украинский кризис может вновь вспыхнуть в любой момент, попытка урегулирования его с помощью миротворцев из стран, не являющихся участниками конфликта, не кажется бесполезной.

Организация Объединённых Наций часто подвергается нападкам за свою неэффективность со стороны политиков, публицистов и общественных деятелей, однако корень этой неприязни зачастую скрывается не в её деятельности, а в непонимании её сути. Не ООН провалилась в Югославии и Украине, а постоянные члены Совбеза. ООН не решает и никогда не должна была решать проблемы межгосударственных отношений. Организация призвана стать переговорной площадкой, медиатором и предложить уникальные механизмы решения проблемы, но только сами “народы объединённых наций, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе”[13] могут привести друг друга к устойчивому миру как в Европе, так и за её пределами.

Сноски

[1] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/3314(XXIX);

[2] Глава VII, статья 42 Устава Организации Объединённых Наций;

[3] Резолюция СБ ООН S/RES/1244 (1999);

[4] Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / Под ред. В. Я. Швейцера — М.: Весь Мир, 2009. — С. 116, 118—119;

[5] Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / Под ред. В. Я. Швейцера — М.: Весь Мир, 2009. — С. 148—149;

[6] “Permanent trinity” – “Постоянная троица”, неформальное обозначения постоянных членов СБ ООН, состоящих в НАТО;

[7] Отчёт о заседании СБ ООН 14 апреля 2018 года S/PV.8233;

[8] Резолюция СБ ООН S/RES/2231(2015);

[9] Резолюция СБ ООН S/RES/2202(2015);

[10] Глава V, статья 26 Устава Организации Объединённых Наций;

[11] Совместная пресс-конференция Владимира Путина с Федеральным канцлером Австрии Себастианом Курцем, URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56952>;

[12] Резолюция СБ ООН S/RES/690(1991);

[13] Первый абзац Преамбулы Устава ООН.

БЛАДИМИР СТОШИЧ*Студент магистратуры,**Институт политологии и социологии, Боннский университет*

Назад в будущее?

Балканы — ахиллесова пята европейской системы безопасности. Это простое утверждение звучит провокационно, потому что оно вопреки нормам политкорректности ставит под сомнение неоспоримую значимость других регионов земного шара для Европы: например, Ближнего Востока, Северной Африки или Южного Кавказа. Только все эти регионы никогда не становились политическим базаромⁱ, каким когда-то стали Балканы и каким они остаются до сих пор.

Проблема постимперских пространств

Сложность политической ситуации на Балканах обозначилась ещё во время Первой мировой войны: сочетание этнических и национальных устремлений политиков, патриотические перемены в борьбе за формирование наций, а также стремление к автономии и запутанные системы союзов.ⁱⁱ После окончания боевых действий на территории бывшей Югославии (1991–1995) ЕС вместе с США взялись играть ведущую роль в процессе восстановления разрушенных войной стран региона. Действия НАТО помогли положить конец вооружённым конфликтам, военные миссии Альянса должны были обеспечивать безопасность и стабильность в Боснии и Герцеговине и в Косове. ЕС разработал стратегию сближения, цель которой не только в устойчивой стабилизации Западных Балкан и в экономической привязке этого региона к Западу, но и в том, чтобы дать толчок демократизации этого пространства.ⁱⁱⁱ На саммите в Салониках в 2003 году ЕС обозначил для стран бывшей Югославии перспективу членства, дав понять, что видит их будущее в Европейском союзе.^{iv}

В конце 19 и в начале 20 века за господство на Балканах боролись три империи: Австро-Венгрия, Россия и Османская империя. Похоже, что век спустя ситуация в регионе мало изменилась, только действующие лица теперь другие: ЕС, КНР^v, Россия и США — вот основные силы, которые борются за власть и влияние на Балканском полуострове в 21 веке. Это противостояние отражается во внешней политике Республики Сербия, крупнейшего из государств — преемников бывшей Югославии. Она основывается на четырёх столпах: 1. цель — членство в ЕС; 2. Россия — традиционный партнёр и поставщик энергоносителей; 3. США — глобальная держава, обеспечивающая порядок; 4. Китай — держава, набирающая силу.^{vi}

Если попытаться понять, как российские элиты представляют себе внешнюю политику и политику в сфере безопасности, станет ясно, что Россия, как постимперия, борется с собственным наследием и ищет достойное с её точки зрения место в системе международных отношений.^{vii} По Мюнклеру, это демонстрирует проблему постимперских пространств. Взгляд на Юго-Восточную Европу открывает перед нами диалектику, которая раз за разом проявлялась в 20 веке во время распада империй: чтобы внутри постимперских пространств установился стабильный порядок, они вынуждены дожидаться стабилизации извне.^{viii} Учитывая такой расклад сил и обусловленную им открытость ко внешним влияниям, Крастев считает, что геополитическая борьба за Балканы в 21 веке будет усиливаться. Её участники могут серьёзно увеличить своё влияние там, предприняв лишь незначительные усилия. Крастев пишет, что «Балканы — тот регион, где Россия может работать на дестабилизацию ЕС, неся при этом очень небольшие политические расходы, как с точки зрения денег, так и с точки зрения риска конфронтации с США»^{ix}.

Европа и Россия в конфликте систем

На смену эйфории, вызванной «концом истории», пришла озабоченность, вызванная «возвращением авторитарных режимов», из-за которого государства делятся на различные политические лагеря, поляризуется мир и начинается новая эра соперничества между западными либеральными демократиями и незападными автократическими режимами.^x Кроме того, Айкенберри видит признаки установления «автократического интернационала» под предводительством России и Китая, из-за этого глобальная политика начинает работать по принципу демократически-авторитарной дивергенции, что, в свою очередь, увеличивает опасность конфликтов и войн.^{xi} Чарльз Тилли ещё в начале 2000-х годов обращал внимание на то, что параллельно процессам, направленным на демократизацию (*transition towards democracy*), всегда будут идти процессы, направленные в обратную сторону (*transition from democracy*).^{xii} Следовательно, эффект от усилий ЕС по демократизации Балкан достигается не раз и навсегда, его могут свести на нет противоположные, авторитарные тенденции.

Россия как противоположность Западу

Спустя четверть века после распада Советского Союза Россия влияние России в Центральной и Восточной Европе, похоже, восстанавливается. Исследование *Pew Research Center*, проходившее в 18 странах, даёт представление о том, какую реакцию это вызывает. Всё больше христиан на Балканах, в основном, православных, считают Россию весомой альтернативой Западу, защитницей православия и православной веры.^{xiii} С высказыванием, что великая Россия нужна, чтобы уравновесить или ослабить влияние Запада, согласились 80% опрошенных в Сербии и 55% в Боснии и Герцеговине.^{xiv}

Поэтому особенно интересно, что внешнеполитическое влияние Москвы основывается не на материальных ресурсах власти, таких, как армия или экономика, а прежде всего на *мягкой силе*^{xv} — именно она главный фактор.^{xvi} Согласно концепции внешней политики России, для этого используются возможности гражданского общества, а также информационно-коммуникационные технологии.^{xvii} При этом с помощью неправительственных организаций, институтов гражданского общества, СМИ, университетов и Русской православной церкви в мире должен создаваться положительный образ России.^{xviii} В духе концепции *мягкой силы* по Наю следует поддерживать культурное и политическое сотрудничество, делая упор на то, что нас объединяет. Вместе с тем подчёркивается декадентство западной общественной модели и лживость западной политики. В программной статье Российского совета по международным делам (РСМД) содержатся намёки на такую политику, а Балканы называются «хорошим полигоном для отработки применения „мягкой силы“»^{xix}.

Угроза конфликта

Политическое руководство Республики Сербской (РС) — населённого преимущественно сербами этнотерриториального образования в составе Боснии и Герцеговины — поддерживает тесные связи с Москвой. Считается, что Милорад Додик, президент РС, поддерживает Кремль и аннексию Крыма. Россия участвует в процессе принятия решений правительством РС и тренирует полицейские и военизированные части РС.^{xx} Москва также косвенно поддерживала правительство РС в ходе референдума о не соответствовавшем конституции дне независимости РС в сентябре 2015 года.^{xxi} Поэтому можно ожидать, что Москва будет косвенно поддерживать РС и в ходе референдума о независимости^{xxii} РС, который также противоречит конституции. Этот референдум не просто провокация Додика, он разыгрывает карту этнического национализма. Россия — единственная внешняя сторона, поддерживающая эту позицию в ходе подготовки референдума о независимости.^{xxiii}

Обостряет конфликт ещё и то, что аннексия Крыма Россией в 2014 году вновь сделала изменение границ с применением силы частью политической реальности Европы.^{xxiv} Россия демонстрирует готовность менять государственные границы против воли Запада, и это делает её привлекательнее в глазах ревизионистских националистических сил на Балканах. Так Балканы превращаются в ахиллесову пяту Европы: если Россия по-прежнему будет целенаправленно ослаблять это болезненное для Европы место и позиционировать себя в качестве авторитарного, противоположного Западу полюса, все усилия ЕС, направленные на демократизацию и установление мира на полуострове, которые он предпринимал после кровавого распада Югославии, окажутся под угрозой. Если ЕС хочет, чтобы мир у его границ воцарился надолго, он должен придать новую динамику процессу приёма государств, чтобы стать привлекательнее. Иначе появляется угроза отката назад в кровавое будущее 1990-х годов.

Список источников и литературы

1. Bieri, Matthias (2017): Der Westbalkan zwischen Russland und der EU, Center for Security Studies, CSS Studie, ETHzürich
2. Carnegie Endowment for International Peace (1914): Report of The International Commission To Inquire into the Causes and Conduct of The Balkan Wars, Endowment, Washington, D.C.
3. Diamant, Jeff (2017): Orthodox Christians in Central and Eastern Europe favor strong role for Russia in geopolitics, religion, in: Pew Research Center, URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/05/11/orthodox-christians-in-central-and-eastern-europe-favor-strong-role-for-russia-in-geopolitics-religion/> [zuletzt aufgerufen: 13.10.2018]
4. Dümmel, Karsten/ Maric, Ivana (2016): Das umstrittene Nationalfeiertagsreferendum in der Republika Srpska, in: Konrad-Adenauer-Stiftung e.V., Bosnien Herzegowina, Länderbericht
5. Dümmel, Karsten (2018): Bosnien und Herzegowina, in: Der Einfluss externer Akteure auf dem Westbalkan, in: Konrad Adenauer Stiftung, S. 16-20
6. Džihic, Vedran (2018): „Der geopolitische Marktplatz Balkan – Verliert die EU das Primat?“, in: „Verliert der Westen an Einfluss? Verschiebung der Mächteverhältnisse auf dem Westbalkan, in der Türkei und der MENA-Region“, Österreichisches Institut für Internationale Politik, Working Paper 100/2018
7. European Parliament (2017): Serbia's cooperation with China, the European Union, Russia and the United States of America, in: European Parliament. Directorate-General for External Policies, Policy Department
8. Gu, Xuewu (2014): Die große Mauer in den Köpfen: China, der Westen und die Suche nach Verständigung. Bundeszentrale für politische Bildung, Schriftenreihe Band 1482
9. Gu, Xuewu (2016): Chinas Aufstieg zur Großmacht und seine Herausforderungen für den Westen, in: Bindenagel, James/ Herdegen, Matthias/ Kaiser, Karl (Hrsg.): Internationale Sicherheit im 21. Jahrhundert. Deutschlands internationale Verantwortung, Bundeszentrale für politische Bildung, Schriftenreihe Band 1788, S.57-67
10. Ikenberry, John G. (2008): The Rise of China and the Future of the West, in: Foreign Affairs, 87 (1) 2008, S.23-37
11. Krastev, Ivan (2018): Europe is facing a potential crisis in the Balkans. It has to act soon, in: TheGuardian, URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/feb/21/europe-crisis-balkans-eu-membership-russia-china-turkey> [zuletzt aufgerufen: 20.09.2018]
12. Meister, Stefan (2018): Militärische Machtdemonstration statt Realpolitik: Präsident Wladimir Putin verabschiedet sich von der liberalen Weltordnung, in: Meister, Stefan (Hrsg.): Zwischen alter und neuer Weltordnung: Die Logik der Russischen Außen- und Sicherheitspolitik, DGAPkompakt, Nr.20, September 2018, S.3-9
13. Münkler, Herfried (2013): Imperien. Die Logik der Weltherrschaft – vom Alten Rom bis zu den Vereinigten Staaten, Anaconda Verlag, Köln
14. Nikolic, Marko (2016): Central-Eastern European Countries' (CEEC) and Serbia's Perspective and Position towards Chinese „One Belt, One Road“ Initiative – A Geopolitical Overview, in: The Review of International Affairs, Vol. LXVII, No.1161, January-March 2016, S.45-64
15. Nye, Joseph S. Jr (2004): Soft Power. The Means to Success in World Politics, Public Affairs, New York

16. Pivovarenko, Alexander (2014): Modern Russia in the Modern Balkans: Soft Power through Investment, in: Russian International Affairs Council, URL: <http://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/modern-russia-in-the-modern-balkans-soft-power-through-inves/> [zuletzt aufgerufen: 13.10.2018]
17. Rat der Europäischen Union (2003): Gipfeltreffen EU – Westliche Balkanstaaten, URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/de/misc/76317.pdf [zuletzt aufgerufen: 13.10.2018]
18. The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (2013): Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation, URL: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6B6BZ29/content/id/122186?p_p_id=101_INSTANCE_CptlCk6B6BZ29&_101_INSTANCE_CptlCk6B6BZ29_languageId=en_GB [zuletzt aufgerufen: 13.10.2018]
19. Tilly, Charles (2003): Inequality, Democratization, and De-Democratization, in: Sociological Theory, Vol.21, No.1 (March 2003), S.37-43

СНОСКИ

-
- ⁱ Dzhic, Vedran (2018): Der geopolitische Marktplatz Balkan – Verliert die EU das Primat?, in: Akbulut, Hakan/ Dzhic, Vedran/ Günay, Cengiz: Verliert der Westen an Einfluss? Verschiebung der Mächteverhältnisse auf dem Balkan, in der Türkei und der MENA-Region, Österreichisches Institut für Internationale Politik, Working Paper 100/2018, S.9-18, hier: S.9-10
- ⁱⁱ Carnegie Endowment for International Peace (1914): Report of The International Commission To Inquire into the Causes and Conduct of The Balkan Wars, Endowment, Washington, D.C., S.21-70
- ⁱⁱⁱ Dzhic, Vedran (2018): a.a.O.
- ^{iv} Rat der Europäischen Union (2003): Gipfeltreffen EU – Westliche Balkanstaaten, S.2, URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/de/misc/76317.pdf
- ^v Für eine grundlegende Einführung zum Verständnis des Aufstiegs der Volksrepublik China siehe: Gu, Xuewu (2014): *Die große Mauer in den Köpfen: China, der Westen und die Suche nach Verständigung*. Bundeszentrale für politische Bildung, Schriftenreihe Band 1482.
- ^{vi} Nikolic, Marko (2016): Central-Eastern European Countries' (CEEC) and Serbia's Perspective and Position towards Chinese „One Belt, One Road“ – Initiative – A Geopolitical Overview, in: The Review of International Affairs, Vol. LXVII, No. 1161, January – March, S.45-64, hier: S.55-56
- ^{vii} Meister, Stefan (2018): Militärische Machtdemonstration statt Realpolitik: Präsident Wladimir Putin verabschiedet sich von der liberalen Weltordnung, in: Meister, Stefan (Hrsg.): Zwischen alter und neuer Weltordnung: Die Logik der Russischen Außen- und Sicherheitspolitik, DGAPkompakt, Nr.20, September 2018, S.3-9, hier: S.3
- ^{viii} Münkler, Herfried (2013): Imperien. Die Logik der Weltherrschaft – vom Alten Rom bis zu den Vereinigten Staaten, Anaconda Verlag, Köln, S.219
- ^{ix} Krastev, Ivan (2018): Europe is facing a potential crisis in the Balkans. It has to act soon, in: TheGuardian, URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/feb/21/europe-crisis-balkans-eu-membership-russia-china-turkey>
- ^x Gu, Xuewu (2016): Chinas Aufstieg zur Großmacht und seine Herausforderungen für den Westen, in: Bindenagel, James/ Herdegen, Matthias/ Kaiser, Karl (Hrsg.): Internationale Sicherheit im 21. Jahrhundert. Deutschlands internationale Verantwortung, Bundeszentrale für politische Bildung, Schriftenreihe Band 1788, S.57-67
- ^{xi} Ikenberry, John G. (2008): The Rise of China and the Future of the West, in: Foreign Affairs, 87 (1) 2008, S.23-37
- ^{xii} Tilly, Charles (2003): Inequality, Democratization, and De-Democratization, in: Sociological Theory, Vol.21, No.1 (March 2003), S.37-43
- ^{xiii} Diamant, Jeff (2017): Orthodox Christians in Central and Eastern Europe favor strong role for Russia in geopolitics, in: Pew Research Center, URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/05/11/orthodox-christians-in-central-and-eastern-europe-favor-strong-role-for-russia-in-geopolitics-religion/>
- ^{xiv} Ebd.
- ^{xv} Nye, Joseph (2004): Soft Power. The Means to Success in World Politics, Public Affairs, New York, S.1-32.
- ^{xvi} Die Rolle Russlands auf dem Balkan als Akteur mit weitreichenden militärischen sowie wirtschaftlichen Ressourcen scheint in den letzten Jahren zunehmend von der USA, der EU als auch der V.R. China herausgefordert zu werden. Es zeichnet sich der Trend ab, dass Russland in wirtschaftlichen Bereichen der EU und der V.R. China den Platz räumt. Für eine nähere Untersuchung siehe: *European Parliament (2017): Serbia's cooperation with China, the European Union, Russia and the United States of America, in: European Parliament. Directorate-General for External Policies, Policy Department.*
- ^{xvii} Bieri, Matthias (2017): Der Westbalkan zwischen Russland und der EU, Center for Security Studies, CSS Studie, ETH Zürich, S.14
- ^{xviii} The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (2013): Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation, URL: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6B6BZ29/content/id/122186?p_p_id=101_INSTANCE_CptlCk6B6BZ29&_101_INSTANCE_CptlCk6B6BZ29_languageId=en_GB

^{xix} Pivovarenko, Alexander (2014): Modern Russia in the Modern Balkans: Soft Power through Investment, in: Russian International Affairs Council, URL: <http://russiancouncil.ru/en/analytcs-and-comments/analytcs/modern-russia-in-the-modern-balkans-soft-power-through-inves/>

^{xx} Dümmel, Karsten (2018): Bosnien und Herzegowina, in: Der Einfluss externer Akteure auf dem Westbalkan, in: Konrad Adenauer Stiftung, S.16-20, hier: S.17

^{xxi} Ebd.

^{xxii} Erstmals wurde die Idee eines Referendums über die Unabhängigkeit der Republika Srpska von seitens Dodik im Jahre 2006 in die Debatte eingebracht. Seitdem versprach Dodik jedes Jahr mehrfach das Referendum durchzuführen. Insgesamt hat er mehr als 30 Mal Referenden angekündigt: über die Unabhängigkeit der RS, über Entscheidungen des Verfassungsgerichtes in Bosnien-Herzegowina oder über die Abschaffung des Gerichtshofes und der Staatsanwaltschaft von Bosnien-Herzegowina. Für eine nähere Betrachtung siehe: *Dümmel, Karten/ Maric, Ivana (2016): Das umstrittene Nationalfeiertagsreferendum in der Republika Srpska, in: Konrad-Adenauer-Stiftung e.V., Bosnien Herzegowina, Länderbericht.*

^{xxiii} Dümmel, Karten/ Maric, Ivana (2016): Das umstrittene Nationalfeiertagsreferendum in der Republika Srpska, in: Konrad-Adenauer-Stiftung e.V., Bosnien Herzegowina, Länderbericht, S.1-2

^{xxiv} Bieri (2017): a.a.O., S.17

МАРИЯ ТАРАСОВА*Студентка 1 курса магистратуры
American Studies, СПбГУ, г. Санкт-Петербург*

Ещё с конца XIX века, когда в 1899 г. в Гааге прошла первая международная конференция по разоружению, обеспечение региональной и общемировой безопасности находилось в приоритете повестки дня ведущих держав мира, являясь ключевой задачей в их отношениях. Наследие двух кровавых мировых войн, а также Холодной войны, более полувека разделявшей мир и Европу пополам, подтолкнуло европейские государства, включая СССР, создать систему общеевропейской безопасности: инициатива была закреплена подписанием Заключительного акта Сопровождающего документа по безопасности и сотрудничеству в Европе в городе Хельсинки в 1975 г. Эта система, частью которой на современном этапе является Российская Федерация, функционирует до сих пор, хотя и претерпев ряд трансформаций. Последние были обусловлены политическими реалиями периода, последовавшего за распадом Советского союза, который в свою очередь повлёк за собой изменение соотношения сил в мире в пользу стран Запада, находившегося под прямым влиянием Соединённых Штатов Америки. Функционирование деятельности Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), которая была призвана обеспечить «единую и неделимую» систему коллективной безопасности в европейском регионе, отчасти затруднялось расширением на восток военно-политического Североатлантического альянса (НАТО).

Россия со своей стороны открыто заявила о неприятии сложившейся обстановки в системе европейской и международной безопасности в 2007 г., когда на Мюнхенской конференции Президент РФ В.В. Путин выдвинул критику распространения НАТО в сторону России и осудил гегемонистскую политику США в мире и регионе, обличив в качестве принципиально деструктивной тенденцию к установлению однополярного мира [1]. С тех пор российский дискурс в области внешней политики в значительной степени опирался на принцип единства и неделимости пространства безопасности; выдвигались инициативы по созданию прочных юридических основ для новой, более инклюзивной и потому более надёжной структуры коллективной безопасности. Помимо прочих условий, такая структура включила бы в себя пункт об обязательной коллективной обороне, схожий с Пятой статьёй Североатлантического договора, приравнивающей войну против одного члена альянса к войне против всех из них [2]. Тем не менее, подобные инициативы были по большей части проигнорированы западными партнёрами, а установившаяся в европейском регионе сложная политическая атмосфера борьбы за сферы влияния породила ряд конфликтных ситуаций, которым удалось поставить под угрозу мир среди государств — членов. Наиболее острым из них стал возникший в конце 2013 г. и продолжающийся по сей день, хотя и перешедший в менее активную фазу, политический кризис на Украине. Наделивший Россию репутацией агрессора, Украинский кризис вывел ситуацию на глобальный уровень и определил восприятие её как нового этапа конфронтации России и Запада, что дало мировым экспертам повод для сравнения его с «Прохладной» войной [3] — конфронтацией, отличающейся от войны Холодной своим региональным характером, однако протекающей под гораздо более высоким градусом напряжённости. Эти изменения в динамике отношений сторон, стоявшие у истоков преобразующегося на наших глазах европейского порядка безопасности, поставили под вопрос возможность мирного сосуществования, устойчивого развития системы коллективной безопасности в регионе — вопрос, ставший актуальным для научных исследователей и аналитиков в области международных отношений не только Европы, но и всего мира. Комплексная и многоуровневая, определяемая широким кругом международных факторов и действующих лиц, система

взаимоотношений государств на европейском континенте представляет важность для внешне- и внутрисполитических процессов стран всего Земного шара, и состояние кризиса, которое, очевидно, переживает эта система сейчас, подогреваясь острыми дипломатическими и территориальными конфликтами, заставляет искать пути решения европейских противоречий и определять их реальные перспективы, в частности, аналитическое сообщество США — ключевого игрока международной политической арены. В общих чертах в нём наметились два основных возможных вектора развития отношений Запада и России.

Первый из этих векторов — «конфронтационный» — стал прерогативой «ястребов» американского политического истеблишмента и пропагандировался, прежде всего, его консервативным сообществом. В его рамках большинство аналитиков выступают за сохранение антироссийских санкций, введённых в 2014 году в связи с присоединением Крыма к Российской Федерации. Ещё тогда в долгосрочной перспективе некоторыми экспертами был выдвинут тезис об отмене санкций, по словам специалистов, затрудняющих кооперацию России, США и Европейского союза и по своей сути «неконструктивных и неэффективных»[4], и до сих пор звучат призывы к смене ориентиров санкционной политики, предложения по ограничению точечными мерами в финансовом секторе экономики [5]. Значительное число экспертов также высказываются об укреплении трансатлантической солидарности, настаивая на необходимости предоставления США вооружённой поддержки странам европейского региона, находящимся под потенциальной военной угрозой со стороны России, при этом консервативное сообщество в этой связи особенно выделяет страны Балтийского региона как наиболее уязвимые[6]. Несмотря на эту осторожность, аналитики предупреждают о нежелательности использования в рамках реализации данной меры ядерных вооружений, а также непосредственной высадки американских солдат — “boots on the ground”, — делая ставку на конвенционное оружие и интенсификацию военных учений с упором на наступательную подготовку [7].

С другой стороны, либеральные и центристские круги аналитического истеблишмента наметили иной, «кооперационный» вектор развития отношений. В частности, представители либертарианского Института Катона заняли изоляционистскую позицию, заявив об отсутствии у США, в отличие от России, прямых интересов в Украине[8], пропагандируя отмену экономически невыгодных антироссийских санкций[9] и невмешательство в политические перипетии европейского региона. Популярным стало восприятие России как возможного союзника, наиболее эффективные инструменты в отношении которого — переговоры и компромисс. Готовность к взаимным уступкам выражалась не только в общих высказываниях аналитиков, но и в конкретных программах: именно принцип мирного сосуществования Запада и России лёг в основу «Разрядки-плюс», внешнеполитической концепции, предложенной почётным президентом Совета по международным отношениям Лесли Гелбом [10]. В её рамках был озвучен тезис о целесообразности признания за Россией статуса великой державы и сотрудничества со страной именно на таком уровне. Более того, по мнению ряда экспертов, необходимость представляет возрождение таких «спящих» совещательных структур, как «Группа восьми» и Совет Россия — НАТО, налаживание переговоров на высшем уровне между Европейским и Евразийским союзами [11]. «Лучшей долгосрочной инвестицией, которую Запад может сделать в России», аналитики считают расширение информационных потоков, поощрение образовательных контактов между гражданами России и западных стран. Сотрудничество именно по этим видам направлений способно, по мнению экспертов, стать основой общественной поддержки мирных и прогрессивных двусторонних отношений [12].

Точки зрения, представленные в аналитическом сообществе США, характеризуются разнообразием, и, тем не менее, общий прогноз экспертов оптимистичен. Несмотря на

стабильность «ястребиной» политики, прослеживается общая тенденция к относительно позитивному восприятию России на Западе, готовность к сотрудничеству сторон, а наличие конструктивных предложений о кооперации и отказ от прямого применения агрессии означают реальную возможность реабилитации политического климата в европейском регионе. С данной позицией соглашаются многие политики по эту сторону Атлантического океана, в том числе и председатель Европейской комиссии Ж.-К. Юнкер [13], заявляя о невозможности построения устойчивой системы безопасности в Европе без участия России, что позволяет выразить обоснованную надежду на установление в среднесрочной перспективе эффективного многостороннего диалога, в том числе в сфере контроля над распространением вооружений. Этот диалог целесообразно вести, используя механизмы существующих совещательных структур и форумов, либо на базе принципиально новой, более инклюзивной диалоговой площадки, которую сторонам предстоит создать. Кроме того, необходимо поощрять и развивать контакты в отдельных областях, таких как культура, образование, наука, юриспруденция, экономическое сотрудничество, добровольческая деятельность. Именно акцент на объединяющем граждан Российской Федерации и западных стран стремлении к прогрессу и развитию, культурному обогащению, процветанию, возможных только в условиях мира и согласия, и отказ от сеющих рознь предрассудков и идеологических установок — пережитков Холодной войны будут способствовать восстановлению устойчивости системы коллективной безопасности и обеспечению мира не только на европейском континенте, но и в масштабах всего Земного шара.

Список источников и литературы

1. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент России. 10 февраля 2007 г. [Электронный ресурс] <<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>>
2. Североатлантический договор // Организация Североатлантического договора. 4 апреля 1949. [Электронный ресурс] <http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm>
3. Gordon, J., Larrabee, S., & Wilson, P. The Ukrainian Crisis and European Security. / Santa Monica, Calif.: RAND Corporation. 2015. 50 p.
4. Snegovaya, M. U.S. Adviser Warns That Russia Is Sapping World Order // The Moscow Times. April 27, 2015. [Электронный ресурс] <http://www.themoscowtimes.com/arts_n_ideas/news/article/us-adviser-warns-that-russia-other-world-powers-are-sapping-world-order/519872.html>
5. Pifer, S. Congress, Russia and Sanctions // The Brookings Institution. January 28, 2017. [Электронный ресурс] <<https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2017/01/18/congress-russia-and-sanctions/>>
6. Coffey L., Kochis, D. Time for the Baltic Air Policing Mission to Become the Baltic Air Defense Mission // The Heritage Foundation. October 2, 2017. [Электронный ресурс] <<https://www.heritage.org/defense/report/time-the-baltic-air-policing-mission-become-the-baltic-air-defense-mission>>
7. Kuhn, U. Preventing Escalation In the Baltics. A NATO Playbook. / Carnegie Endowment For International Peace. 2018. 102 p.
8. Relations with Russia / Cato Handbook for Policymakers. 8th edition. 2017. 772 p.
9. Ashford, E. Why New Russia Sanctions Won't Change Moscow's Behavior // Foreign Affairs. November 22, 2017. [Электронный ресурс] <<https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2017-11-22/why-new-russia-sanctions-wont-change-moscows-behavior/>>
10. Gelb, L. Russia and America: Toward a New Détente // The National Interest. June 9, 2015. [Электронный ресурс] <<http://nationalinterest.org/feature/russia-america-toward-new-detente-13077/>>
11. The Future of Transatlantic Relations: a Debate // The Brookings Institution. January 31, 2018. [Электронный ресурс] <<https://www.brookings.edu/events/the-future-of-transatlantic-relations-a-debate/>>

12. Bond, I., Corboy, D., Courtney, W. & Yalowitz, K. The Next European Flashpoints. // The National Interest. February 15, 2015. [Электронный ресурс] <<http://nationalinterest.org/feature/the-next-european-flashpoints-12252/>>
13. EU's Juncker Calls for Better Ties with Russia, But Not at Any Cost // RFE/RL. August 29, 2017. [Электронный ресурс] <<https://www.rferl.org/a/eu-russia-juncker-urges-better-ties-not-any-cost/28703138.html>>

ЕЛЕНА ТЕНЮКОВА

*Студентка 2 курса магистратуры
программы «Международные отношения и интеграционные процессы в Евразии»
Института бизнеса и делового администрирования РАНХиГС при Президенте Российской Федерации,
г. Москва*

Европейская система безопасности: возможности и пути преодоления кризиса

Многие эксперты начали бы свою статью с т.н. «феномена Трампа» и того, как приход одного человека ломает всю систему власти в мире. Но мир с устоявшимися правилами игры (и парадоксально гибкими в зависимости от ситуации), движимый как минимум с конца XX века трендом «глобализация» (автор скорее придерживается утверждения Э. Валлерстайна о том, что глобализация – неизбежная характеристика развития человечества), уже давно подвергается беспощадной проверке. По мнению автора, финансовый капитал уже давно ломает политику, безопасность и другие сферы взаимодействия людей, преследуя свое единственное желание. Трамп же является законченным образом представителя бизнеса у власти. Президент Трамп – как очередной завоеванный трофей, только уже крупнее, чем нефтяная вышка или постсоветская страна.

Предполагается, что период с конца XIX века до настоящего дня можно разделить на волны и падения финансовых капиталистов – открытие и завоевания новых рынков, кризисы в связи с их освоением и нехваткой новых (и невозможность максимизации прибыли по отдаче от масштаба). На это не нацелена статья, но данное утверждение приводится для того, чтобы описать нынешнюю стадию – а именно, кризис в связи с нехваткой рынков и появлением новых конкурентов. Представляется, что более агрессивная политика обосновывается более агрессивной торговой политикой и протекционизмом. Также, автор полагает, что модель поведения стран в мировой торговле сегодня отлично перекладывается на безопасность, в частности, на Европейскую систему (все еще целую, но трещащую по швам). Поэтому будет предпринята попытка провести аналогию между творящейся вакханалией в мировой торговле и напряженной ситуацией в Евро-Атлантической зоне ответственности (а кого, будет решено в конце статьи анализа).

Эффективность существующих институтов в мировой торговле подвергается сомнению (особенно ярко это было видно на 11-ой министерской конференции ВТО в конце прошлого года); правила игры нарушаются. Например, 8 марта 2018 года Д. Трамп подписывает 2 указа о повышении ставок ввозных таможенных пошлин до уровня 10% для алюминия и 25% для стали для всех стран, кроме Мексики и Канады под предлогом «защиты национальной безопасности». Фактически, меры перечеркивают все писанные правила: ГАТТ, Соглашение о защитных мерах ВТО; нарушают принцип наибольшего благоприятствования, превышают уровень связывания ставок таможенных пошлин в ВТО[i]. А 3 апреля Вашингтон объявляет о планах ввести пошлины в 25% на 1300 китайских товаров, импорт которых в США в 2017 году превысил \$50 млрд в ответ на результаты исследований по делу 301[ii]. Опять же, односторонние меры в обход ВТО.

В мире одновременно развиваются протекционизм и попытки смягчить удар от протекционистских мер путем регионализации. Например, ЕС консолидирует усилия для отстаивания своих экономических интересов по трекам Брекзита и металлургического кейса; даже страны ЦАРА начинают теснее взаимодействовать в рамках региона[iii].

Такие же тренды можно наблюдать и в Евро-Атлантической системе безопасности. 54-ая Мюнхенская конференция наглядно показала раскол в обществе: мало того, что мир не знает, по каким правилам жить и кто должен за этим следить, так и никто не хочет брать на себя ответственность. Многие официальные представители в своих выступлениях сосредоточились либо на своих узких проблемах, либо говорили довольно расплывчатыми фразами.

Неслучайно за несколько недель до начала Мюнхена секретариатом был опубликован доклад «To the Brink – and Back?» (с символической порванной бумагой с надписью «Treaty» на обложке). Доклад констатирует: «За последний год мир подошел близко – слишком близко – к границе, за которой следует полномасштабный конфликт»^[iv] (прим.: перевод автора). Отмечается, что в основе неблагоприятной обстановки в мире лежит, в частности, конфликт стран НАТО и России.

Не стоит расписывать уже то, что Совет Безопасности, если считать его одним из институтов, который решает, в том числе, и вопросы Евро-Атлантики, на сегодняшний день находится в глубоком кризисе как исполнительный орган из-за серьезных противоречий между постоянными членами. Генсек Антониу Гутерриш вообще заявляет о том, что мир вернулся в состояние новой холодной войны, при этом отмечая: «Во время предыдущей холодной войны существовали функции для диалога, контроля и коммуникации, чтобы гарантировать, что, когда возникнет риск конфронтации, события не будут выходить из-под контроля. Теперь больше нет тех механизмов»^[v].

Когда такие сигналы поступают из разных мест, стоит задуматься. По крайней мере, это значит, что ни институты, ни площадки, ни правила игры не работают в достаточной степени, чтобы обеспечить стабильность безопасности.

Однако для полноценного вердикта следует капнуть глубже в нашу Евро-Атлантическую систему. Разделение региона на «своих и чужих» случилось еще в 2014 году по Украине, медленно разрезается скальпелем тело системы по Молдавии и Сербии. Дело Скрипаля и консолидированное обращение развитых стран должно было показать всему миру, насколько един и неделим НАТОвский блок. Но есть несколько важных деталей, которые нельзя не заметить. Во-первых, заявление было сделано всего 4 странами: двумя англосаксонским, США и Великобританией, и флагманами евроинтеграции, Германией с Францией. Во-вторых, радостно поддержали меры против России только Польша и страны Прибалтики.

И наконец, вспомним следующие слова: «Мы хотим оставаться трансатлантическими, но мы также хотим стать более европейскими». Это заявление было сделано министром обороны ФРГ Урсолой ван дер Леен на Мюнхенской конференции в этом году. Можно прочитать эти слова как то, что Европа (будет правильнее конкретизировать: развитая, без приморских должников, северных «одинок» и постваршавских территорий) хочет создать свой маленький, уютный, огороженный (!) и безопасный домик внутри уже существующей системы. Зачем? Чтобы снизить свою зависимость от целей внешней среды за океаном (или через пролив) и в случае, скажем, угрозы безопасности, самостоятельно ответить на нее. На памяти автора, лишь в двух стратегических документах Россия определяется как цель/угроза. И эти документы не принадлежат обсуждаемым странам. Даже переименование России в «соперника» в Белой книге Министерства обороны Германии не может считаться настолько серьезным^[vi]. Здесь и таится тренд регионализации, и даже совместные трансатлантические заявления вряд ли убедят отказаться от собственных желаний и потребностей.

Тренд же протекционизма можно наблюдать в системе Европейской безопасности со стороны США с точки зрения поставок военной техники (напрямую связано с экономикой). Искусственно формируемый спрос поднимает всю застывшую экономику США, которая от развязывающегося конфликта вряд ли серьезно пострадает, а напротив, скорее выиграет, как в Первой мировой войне.

Итого, в системе Евро-Атлантической безопасности не просто наступил кризис (он существует уже продолжительное время), а наблюдается затишье с резкими порывами агрессии. Сложно предсказать, как будут дальше развиваться события, но автор статьи не видит светлого и радостного будущего. Минимально вредоносное развитие сценария просматривается в полной регионализации и снижении количества связей между новыми микрорегионами. Возможно, такое развитие поможет странам наконец осознать себя и понять свои интересы и желания.

Сноски

[i] Мониторинг актуальных событий в области международной торговли № 9 [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://www.vavt.ru/materials/site/ea4a639fe903f21643258267004e2dc9/\\$file/Monitoring_9.pdf](http://www.vavt.ru/materials/site/ea4a639fe903f21643258267004e2dc9/$file/Monitoring_9.pdf)

[ii] Хватка Трампа. Поможет ли ВТО Америке в торговой войне с Китаем [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.forbes.ru/biznes/359801-hvatka-trampa-pomozhet-li-vto-amerike-v-torgovoy-voyne-s-kitaem>

[iii] Сергей Лавров и другие в Мюнхене: сухой остаток [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2410080.html>

[iv] To the Brink – and Back? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.securityconference.de/en/discussion/munich-security-report/munich-security-report-2018/>

[v] Генсек ООН: мир находится в состоянии новой холодной войны [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sputnik.by/politics/20180423/1034980903/guterres-oon-sovet-bezopasnosti-strukturnye-reformy.html>

[vi] «Белая книга» Бундесвера [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/512014>

Ярослав Шевченко

*Студент 4 курса Школы региональных и международных исследований,
направление Международные отношения,
Дальневосточный Федеральный Университет (ДФУ), г. Владивосток*

*Исследования науки обогнали духовное развитие.
У нас есть управляемые ракеты и заблудшие люди.*

Мартин Лютер Кинг

Крах ДРСМД – падение в опасное прошлое

Между Россией и Западом продолжается нарастание напряженности в отношениях, и в этой связи стала популярной точка зрения, что сегодня можно лицезреть Холодную войну в современном издании. [1] Такой напряженности и, главное, паранойи в отношении друг к другу, по некоторым мнениям, не было со времен Карибского ядерного кризиса. [2] Однако, что же отличает эпоху Холодной войны от нынешней ситуации?

Ядерное сдерживание было, по сути, единственной причиной, почему США и СССР не скатились к прямому вооруженному конфликту. При этом на исходе Холодной войны, Москве и Вашингтону хватило здравого смысла, чтобы ограничить бесперспективную и истощающую ядерную гонку, поставив ее в рамки режима по контролю за вооружениями. Так была сформирована система глобальной стратегической стабильности. Краеугольными камнями этой системы, как известно, стали Договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-I), идея которого позже эволюционировала в Договоры о сокращении наступательных вооружений (СНВ-1 и СНВ-3); Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) и Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД), под определение которых попадают баллистические и крылатые ракеты наземного базирования с радиусом полета от 500 до 5500 км; Договор об ограничении обычных вооруженных сил в Европе (ДОВСЕ).

Сегодня же стратегическая стабильность, судя по всему, воспринимается Вашингтоном как пережиток прошлого, а страх взаимно гарантированного уничтожения больше не заставляет руководителей двух стран поддерживать устойчивую коммуникацию и решать накопившиеся претензии.

Еще в 2002 г. режим обеспечения стратегической стабильности был серьезно подорван – США в одностороннем порядке вышли из Договора по ПРО, аргументировав это необходимостью защиты Америки и ее союзников от растущей ракетно-ядерной угрозы так называемых «стран-изгоев». Во многом это было связано с тем, что стратегический арсенал России по сравнению с временами СССР сократился многократно, и у США появилась потенциальная возможность сбивать российские МБР. В 2007 г. Россия объявила о моратории на исполнение обязательств по ДОВСЕ, переживавшему длительную агонию. Сегодня же с обеих сторон на официальном уровне все громче и громче звучат голоса тех, кто высказывается о несостоятельности и взаимном несоблюдении договора о РСМД. Открытые угрозы гонкой вооружений вкупе с потоками оголтелой пропаганды и нежеланием слушать друг друга снижают возможность конструктивного диалога в отношениях Россия-Запад. [3] Выход той или другой страны из ДРСМД в такой атмосфере будет означать не только прямую угрозу

европейской безопасности и режиму контроля над вооружениями, но и возможный крах всей архитектуры стратегической стабильности.

По всей вероятности, первым шагом США при сломе договора будет разработка и развертывание ракет среднего и меньшего радиуса действия в Европе, что неминуемо поставит Москву перед лицом острой дилеммы безопасности – высокоточные «евроракеты» в российском подбрюшьи с кратчайшим подлетным временем будут способны поразить практически любую точку на европейской территории РФ, в значительной степени нивелируя стратегический наступательный потенциал Москвы. [4] При подобном сценарии Россия, движимая базовым инстинктом самосохранения, будет полна решимости рассматривать стартовые позиции «евроракет», воспринимаемых ею как стратегические, в качестве первоочередных целей превентивного удара, снова обрекая Европу на участь потенциального театра военных действий с массированным применением ядерного оружия. С учетом данной угрозы, видится вполне вероятной и практическая невозможность сохранения договоренностей по дальнейшему контролю за стратегическими вооружениями (СНВ-3).

С этим Россия и страны НАТО вступят на новую и гораздо более опасную стадию конфронтации, качественно отличающуюся от той, что мы видели во времена Холодной войны. [5] Безусловно, логика отношений и тогда носила чрезвычайно враждебный характер, однако диалог был предсказуем, стабилен и в нем присутствовало уважение. Сегодня же Москва неустанно обвиняет коллективный Запад в «высокомерном нежелании строить [с Россией] нормальные цивилизованные отношения», а в ответ получает призывы «заткнуться» и причисляется к «глобальной оси зла». [6], [7] Очевидно, что игры в гонку вооружений с уязвленной страной, где все еще сильны воспоминания о сверхдержавном прошлом, не приведут ни к чему хорошему, а слом ДРСМД станет триггером для перехода к точке невозврата.

В каких нарушениях ДРСМД, собственно, Москва и Вашингтон обвиняют друг друга? США приписывают российской крылатой ракете «Р-500/9М728», запускаемой на базе ОТРК «Искандер-К» с заявленной дальностью полета в 500 км, родство с запрещенным советским комплексом «Рельеф» (CSSX-4 «Slingshot»), имевшим дальность полета в 2900 км. Более острые претензии Вашингтон предъявляет относительно ракеты 9М729. По данным Вашингтона, эта ракета является сухопутным эквивалентом крылатой ракеты среднего радиуса применения морского базирования «Калибр» (SS-N-27 «Sizzler») с заявленной дальностью до 2600 км., и успешно использованной в боевых условиях в ходе сирийской кампании на дальность свыше 1000 км. [8]

Россия также имеет ряд встречных претензий. В течение последних лет, президент и официальные лица, отвечающие за национальную безопасность страны, утверждают, что универсальные установки вертикального пуска «МК-41», размещенные в Европе в рамках «адаптивного подхода» к построению ПРО, идентичны используемым на кораблях для запуска крылатых ракет средней дальности семейства «Tomahawk», развертывание которых на территории Европы грубо нарушает договор о РСМД. Также Москва выражает недовольство по поводу использования ракет-мишеней для испытания ПРО (например, «Нега»), сходных по характеристикам с ракетами средней и меньшей дальности, так как их фундамент может быть потенциально использован для создания полноценных ракет наземного базирования. Помимо этого, Москва с беспокойством реагирует на производство в США ударных беспилотников, подпадающих под определение крылатых ракет наземного базирования, с потенциальным радиусом действия свыше 500 км. [9]

Помимо серьезного набора взаимных обвинений стороны намекают и о том, что договор перестал адекватно отвечать их национальным интересам. Во многом это связано с ракетными

программами других стран, а в особенности Китая. По оценкам военных экспертов, Китай на сегодняшний день обладает наибольшим в мире потенциалом ракет средней и меньшей дальности, в зоне поражения которых, к слову, находится большая часть территории России. Кремль открыто не упоминает об этом, чтобы не портить атмосферу укрепляющегося стратегического партнерства с Китаем, однако, очевидно, что это не может не вызывать беспокойства – история учит, что дружба между великими державами в международных отношениях понятие непостоянное и относительное. Вашингтону же выход из ДРСМД дал бы легальную возможность посредством размещения ракет средней и меньшей дальности в АТР, скажем под предлогом сдерживания КНДР, потенциально оказывать политическое давление на растущий Китай. Очевидно, что при таком раскладе под прицелом американских ракет оказался бы и российский Дальний Восток.

Договор о РСМД был заключен более 30 лет назад и это совершенно справедливо, что некоторые его положения более не соответствуют интересам России и США. [10] Кремлю следует понимать, что слом ДРСМД выгоден в первую очередь Вашингтону. Возможность создания дорогостоящих ракет, никак не влияющих на стратегический баланс с США, но способных превратить Европу в ядерный пепел, не будет являться хорошим утешением для российских интересов безопасности. Умным шагом в этой связи стал бы отход от принципа «дипломатической взаимности – ради дипломатической взаимности»; не на все упреки и вызовы следует отвечать «мгновенно и зеркально». [11] Самое важное, что действия не должны быть истерическими и эмоциональными – демонстрация «8-битных мультфильмов», показывающих ядерный удар по американской территории новой супер-ракетой, – это не тот шаг, который будет работать на восприятие Москвы как конструктивного партнера по диалогу.

Ликвидация Договора о ракетах средней и меньшей дальности станет «машиной времени», которая перенесет нас в страшные времена одного из пиков Холодной войны – ракетный кризис начала 80-ых годов. Если Россия и Америка не хотят собственноручно воспроизвести те условия, которые чуть не довели Вашингтон и Москву до взаимно гарантированного уничтожения, им нужно сесть за стол переговоров и приложить твердую политическую волю к сохранению и адаптации Договора к новым реалиям, подкрепив это трезвой военно-политической экспертизой. Ведь наличие договоренностей лучше, чем их отсутствие, не правда ли?

Сноски

1. С. Караганов., Односторонняя холодная война Запада // Россия в глобальной политике. URL: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Odnostoronnyaya-kholodnaya-voina-Zapada-19460> (дата обращения: 5 апреля 2018 г.)
2. R. N. Haass., Cold War II // Project Syndicate. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/new-cold-war-mainly-russia-s-fault-by-richard-n--haass-2018-02> (дата обращения: 5 апреля 2018 г.)
3. Трамп пообещал Путину выиграть гонку вооружений // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2018/03/30/gonka/> (дата обращения: 30 марта 2018 г.)
4. Семь минут полета до Москвы // Взгляд. URL: <https://vz.ru/society/2014/8/21/701520.print.html> (дата обращения: 3 апреля 2018 г.)
5. С. Караганов., Ракеты в Европе: воспоминания о будущем? // Россия в глобальной политике. URL: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Rakety-v-Evropе-vozpominaniya-o-buduschem-18266> (дата обращения: 4 апреля 2018 г.)
6. Соединенные санкции Америки: Конгресс США включил Россию в мировую «ось зла» вместе с Ираном и Северной Кореей // Коммерсант.ru. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3365795> (дата обращения: 30 марта 2018 г.)
7. Министр обороны Великобритании посоветовал России «отойти и заткнуться» // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2018/03/15/go_away/ (дата обращения: 16 марта 2018 г.)

8. Bureau of Arms Control, Verification and Compliance Factsheet INF Treaty: At a Glance // U.S. Department of State.

URL: <https://www.state.gov/t/avc/rls/2017/276361.htm> (дата обращения: 5 апреля 2018 г.)

9. Договор между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности // МИД России.

URL: http://www.mid.ru/voenno-strategiceskie-problemy/-/asset_publisher/hpkjeev1aY0p/content/id/1138496 (дата обращения: 3 апреля 2018 г.)

10. Договор по РСМД не может действовать бесконечно, заявил Иванов // РИА Новости.

URL: https://ria.ru/defense_safety/20130621/945019919.html (дата обращения: 9 апреля 2018 г.)

11. Путин: реакция России на выход США из РСМД будет мгновенной и зеркальной // ТАСС

URL: <http://tass.ru/politika/4661214> (дата обращения: 30 марта 2018 г.)